

ЗАПИСКИ И ПРИЗНАНІЯ ПСОВАГО ОХОТНИКА.

Осень 1906 года.

Шесть недѣль отъѣзда въ средней и
южной Россіи.

(Окончаніе).

VII.

*Въ странѣ «копелюхъ», чернозема и
голушекъ.*

„Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышитъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора?“

Да, и копелюха вещь удобная, и черноземъ не вредная (въ особенности въ умѣлыхъ рукахъ), но голушекъ я такъ и не пробоваль, не то что не пробоваль, а даже и не видалъ. И гдѣ же? Въ царствѣ голушекъ, на югѣ Харьковской губерніи, такъ что о нихъ сказать свое сужденіе не берусь. Хохлы одобряютъ. Ну къ этому вопросу, къ кулинарному, такъ сказать, или вѣрнѣе національному, неоднократно придется возвращаться, — таково ужъ направленіе благословенной Малороссіи, отъ него не убѣжишь. Что такое голушки, все-же большинству хоть приблизительно извѣстно. Черноземъ, мнѣ кажется, тоже и еще въ большей степени извѣстенъ

хозяевамъ-помѣщикамъ, а вотъ что такое «копелюха»? Я думаю, что немногіе знакомы не только съ употребленіемъ ея, но даже и не слышали, что она изъ себя представляетъ, и не догадаться пожалуй, въ особенности, не обладая филологическимъ образованіемъ или знаніемъ польскаго языка. Я потому далъ такое названіе этой странѣ, части нашего отечества, что безъ копелюхи я не видѣлъ за 3 недѣли моего пребыванія въ этой классической странѣ ни одного человѣка мужескаго пола. Буквально. Копелюха—это шапка. Но въ шапкахъ всѣ ходятъ, такъ что было бы мудрено видѣть людей безъ шапокъ. Но вся штука въ ея формѣ и въ примѣненіи ея на югѣ. Во-первыхъ, покрой этой шапки годится для странъ холодныхъ и я ихъ видѣлъ на сѣверѣ въ Финляндіи, гдѣ ихъ носятъ только зимой. Во вторыхъ, Нансенъ въ своей 3-лѣтней экспедиціи къ сѣверному полюсу тоже пользовался ею и въ честь его она даже названа: «нормальная шапка д-ра Нансена». Такимъ образомъ и этотъ изслѣдователь полярныхъ странъ засвидѣтельствовалъ ея пользу подъ 87° сѣверной широты. Но почему на югѣ, въ странѣ солнца и тепла, на 5000 вер. южнѣе 87°, она нашла такое универсальное примѣненіе, это меня и поразило; поразило и то, что начиная съ 20 числа сентября, когда даже и въ Финляндіи никто ее не носитъ, а объ морозахъ и не думаютъ въ Малороссіи, они, т. е. хохлы, уже облакаются въ этотъ полярный нарядъ и уже весны не снимаютъ. Да, такъ форма: это круглая, по формѣ головы, теплая на ватѣ или мѣху шапка, съ такимъ же козырькомъ, наушниками и назатыльникомъ, вѣчно, кстати, опущеннымъ. Словомъ на меня эта неумѣстная по климату и неизбѣжная на каждомъ человѣкѣ копелюха произвела такое впечатлѣніе, что безъ нея не можетъ существовать хохолъ, какъ не можетъ онъ быть внѣ чернозема и безъ голушекъ. А всѣ эти 3 элемента вмѣстѣ какъ-бы олицетворяютъ собою Малороссію. Это нераздѣльно такъ же, какъ на Кавказѣ черкеска, горы и «шашлыкъ изъ Карачаевска барашкѣ».

Мое этнографическое впечатлѣніе о Малороссіи было бы неполнымъ, если бы я умолчалъ еще объ одномъ странномъ фактѣ, мною замѣченномъ—я такъ и не видѣлъ, вообразите, ни разу не видѣлъ ни одной особы прекраснаго пола—ни одной «хохлушки»! Я говорю совершенно серьезно,—нигдѣ и ни одной. Какъ будто ихъ тщательно скрываютъ, какъ въ гаремахъ. Чортъ ихъ знаетъ, есть-ли вообще женщины въ Хохландіи, существуютъ-ли онѣ? И гдѣ же эти пресловутыя красивыя хохлушки?

Я положительно сомнѣваюсь и въ существованіи знаменитыхъ голушекъ. Можно даже не безъ успѣха задать такую загадку или вопросъ: что общаго между хохлушкой и голушкой? И я думаю, не менѣе вѣренъ будетъ отвѣтъ, съ моей точки зрѣнія, что ни тѣхъ, ни другихъ въ Малороссіи въ настоящее время не существуетъ. Можетъ онѣ и были во времена Запорожской Сѣчи, Тараса Бульбы, но теперь о нихъ лишь вспоминаютъ. Были, да всѣ вышли. Повторяю—кромѣ копелюхъ и чернозема, да еще сала, я ничего не видѣлъ. Но чтобы не быть пристрастнымъ, долженъ засвидѣтельствовать,—я даже радъ, что не видѣлъ, а главное не ѣлъ голушекъ, т. к. что-то, а ужъ ѣдятъ въ Малороссіи, прямо таки—здорово, дай Богъ здоровья ихъ желудочкамъ—и жирно, и не мало. Такъ что соблюсти въ цѣлости обликъ Аполлона на Малороссійскихъ харчахъ едва-ли возможно.

Для доказательства и иллюстраціи этого предположенія могу привести слѣдующій не лишенный интереса вѣсъ моихъ соратниковъ—хозяина и его двухъ гостей. Всѣ 3, разумѣется, псовые охотники. Два—хозяинъ и одинъ гость—кровные хохлы, этимъ и не мудрено быть полновѣсными, но вотъ другой ужъ совсѣмъ не хохоль, но тянетъ 8 п. 15 или 20 фун. Что значатъ хохлушки, тѣфу, хотѣлъ сказать—голушки. Другой гость на 7 п. 20 ф., а самъ П. А.—9 п. 20 или 30 ф., хорошо не помню. Словомъ это выходитъ, кажется, по 8 п. 20 ф. на кругъ, а вся троица вмѣстѣ 1020 ф. или 25 п. съ 1/2.

Ну можетъ быть ошибаюсь на 15—20 ф., не болѣе. Вздумалось какъ-то разъ нашему милѣйшему хозяину П. А. приобрести себѣ, или переимѣнить верховую лошадку. Искаль онъ, искаль въ округѣ, разспрашиваль, наказываль—нѣтъ подходящаго коня. Что дѣлать? Давай, думаетъ, объявленіе сдѣлаю въ газетахъ. Сказано—сдѣлано, вѣдь малороссы народъ шустрый. Объявленіе послано было въ такой редакціи: «Требуется подъ псоваго охотника средняго вѣса 9 п. 20 ф. прочный верховой конь не менѣе 3 верш., масть безразлична». Газета, умысленно-ли или нѣтъ, не знаю, но вмѣсто «3 верш.» напечатала «не менѣе 3 арш.,» вѣроятно считая, что подъ такой «средній вѣсъ» болѣе подходяща лошадь въ 3 арш., и что же, вы думаете, изъ этого вышло? Да вотъ что:—въ скоромъ времени получаетъ П. А. письмо такого краткаго и внушительнаго содержанія: «Чудакъ, тебѣ слона нужно, а ты ищешь лошадь!» Шутникъ, право! Шутникъ-то шутникъ, а вѣдь, пожалуй, внушительно да и удобнѣе. Да и оригинально—вообразите себѣ слона, бѣлаго, покрытъ онъ весь шитой шелками попоной, все охотничьи атрибуты изображены. На шеѣ у него борзятникъ со сворой борзыхъ у переднихъ ногъ, а «самъ» сидитъ въ разукрашенной будкѣ на спинѣ. Тутъ же у него столикъ. Надоѣсть подозрѣвать русака—выпьетъ рюмку и закуситъ малороссійскимъ саломъ. Вся эта комбинація со слономъ равняется, конечно, въ общей линіи сворѣ. Сверху-то изъ будки все видно. А немного сзади—маленькій слоненокъ съ лѣстницей на спинѣ. Это на всякій случай. Вѣдь можетъ же захотѣться слѣзть. Но П. А. все-же предпочелъ слону бѣговья дрожки. Съ горя П. А. рѣшилъ въ концѣ концовъ пустить подъ себя бѣговья дрожки. Много мы хохотали надъ добродушнымъ П. А., слушая этотъ эпизодъ. Да мало-ли мы и потомъ хохотали! Дай Богъ памяти только вспомнить хоть долю всего того, что было! Тѣ чудныя мѣста; обильныя звѣремъ, оранки, привольные бурьяны и проч. прелести. Какъ-то не вѣрится, что мо-

жетъ быть повтореніе! Ужъ очень хорошо было—и милая охотничья добродушная компанія, и рѣзвая скачка собакъ, и количество русаковъ; словомъ, потѣшились мы, говорить нечего, а какъ—увидите.

* * *

Если не ошибаюсь, впрочемъ грѣхъ было-бы ошибаться, въ благословенную Малороссію пріѣхалъ я 20 октября. Еще въ прошломъ 1905 году я стремился попасть туда, все было слажено, списались мы еще съ лѣта и близость осуществленія моей мечты, чѣмъ ближе время двигалось къ 1 сентябрю, все больше подогрѣвала мое воображеніе. Но... Всюду въ жизни это проклятое но! И тутъ судьба тихо приготовила мнѣ свое но, и въ самомъ неожиданномъ проявленіи своего своеволія. Долгожданное 1 сентября настало. Выѣхали по обычаю въ ближнія мѣста. Выѣхали всѣ—жена, гости, дѣти. Стоимъ на лазахъ, стоя что-то жестоко закипѣла и черезъ нѣсколько минутъ—голосъ по лисѣ! «Ну слава Трифону угоднику—лисичка будетъ въ торокахъ, потѣшу и себя и первоосеннихъ своихъ». Жду и замираю:—вотъ, вотъ вылетитъ шустрая огневка. Вылетаетъ... на дрожкахъ ко мнѣ урядникъ! И летитъ прямо, какъ по рельсамъ, ко мнѣ, не видя меня за елками. Увидя меня, когда подѣхалъ уже вплотную, соскакиваетъ и, взявъ подъ козырекъ, начинаетъ что-то говорить. Не тутъ-то было: я налетаю на него, браня за неумѣстное рвеніе.—«Помилуйте, Ваше С-во, такъ что важная, спѣшная телеграмма». — «Что такое, какая, отъ кого?» — засыпалъ я его вопросами». — «Извольте прочитать».—Читаю: сперва адресъ: «Уѣздный Войсковій Начальникъ». Читаю дальше: «немедленно командуйте сотника кн. Г. станицу Кисляковскую для участія мобилизации 2-го Ум. Полка»!!! Вотъ-те, бабушка, и 1 сентября 1905 года. Не забыть мнѣ этого никогда! Война кончилась, миръ заключенъ, а меня требуютъ на службу тогда, когда я уже могъ бы быть въ отставкѣ! Жена, конечно,

уже почуяла своимъ чуткимъ сердцемъ, что что-то не ладно и, подѣхавъ ко мнѣ, узнала эту грустную новость. Ну, что-же дѣлать? Началь служить тутъ-же подъ островомъ: вызвалъ стаю, собралъ своры и не солоно хлебавши «оборотился вспять». Затѣмъ пошли сборы къ отъѣзду, потомъ забастовки и наконецъ я, вмѣсто травли удалой въ степяхъ Харьковской губерніи, какъ то было условлено, узналъ, что представляетъ изъ себя Богомъ проклятое мѣсто «Балаханы» (нефт. пром. около Баку). Но объ этомъ я распространяться не буду. Не буду потому, чтобы не утруждать гг. охотниковъ своими тяжелыми, какъ кошмаръ воспоминаніями. Да и тяжело самому себѣ. Не дай Богъ никому попасть туда въ мирное время, а не то что во время междоусобицы, въ которую я попалъ туда. Итакъ забуду мрачное, тяжелое прошлое, хотя можетъ быть и не окончательно миновавшее, и буду продолжать.

Предварительно списавшись и условившись, я 20 октября прибылъ на Разъѣздъ № 15 вечеромъ. Темень и слякоть встрѣтили меня. Любезный П. А. предупредительно выслалъ за мною своего сына, мальчика 16 лѣтъ, Гришу, страстнаго псового охотника, въ коляскѣ. Только благодаря близости отъ станціи и знанію каждаго аршина земли, мы благополучно и скоро доѣхали до милой тихой „Аполлоновки“ въ 10 час. вечера. Ну конечно по охотничьи расцѣловались мы съ моимъ другомъ кн. Д.И. Пожали крѣпко руки и вмигъ образовалась теплая охотничья компанія. Хозяинъ П. А. Г. милѣйшій и добрѣйшій, страшный хлѣбосоль, охотникъ, заводчикъ рысистыхъ лошадей и менѣе всего сельскій хозяинъ (въ душѣ), потащилъ сейчасъ-же къ водкѣ. Двѣ-три рюмочки съ дороги и холоду живо согрѣли тѣло и душу, и пошла бесѣда... Охотничья, настоящая. Третій нашъ компаніонъ, самый легкій (7 п. 20 ф.), кромѣ меня, А. Ф. М. истый хохоль, въ нѣкоторомъ отношеніи душа-человѣкъ и тоже настоящій охотникъ и любитель собакъ, громаднаго роста; Гриша, сынъ П. А., неудержимой энергіи,

начинающій охотникъ и вашъ покорный слуга— вотъ дѣйствующія лица моего отъѣзда и повѣствованія.

Часовъ съ 5 утра, въ комнатѣ, отведенной для кн. Д. И. и меня, у насъ уже начались разговоры по поводу предстоящихъ полей. Влетѣлъ общійлюбимецъ „Бокъ“, щенокъ фоксъ-террьеръ, и, однимъ прыжкомъ очутившись на животѣ у кн. Д. И., началъ его массировать, прыгая и вертясь какъ вьюнъ. Должно быть массажъ въ видѣ этого неистоваго танца очень нравился кн. Д. И. — онъ самые рискованные приемы и антраша „Бока“ встрѣчалъ и сопровождалъ то ласковымъ растроганнымъ оханьемъ и кряхтѣньемъ, то, какъ будто, интонація утренняго баса его склонялась на укоризненно-просительный тонъ (вѣроятно соотвѣтствуя бѣснованію массажиста), какъ бы желая сократить безумную энергію этого разбойника. Но каналья „Бокъ“, не встрѣчая со стороны пациента ничего кромѣ басовыхъ добродушныхъ эпитетовъ, продолжалъ свое дѣло до полного изнеможенія и тогда уже, выпустивъ часть своей энергіи перебрался ко мнѣ на нѣсколько мгновений.

— „Доброе утро, господа!“ — провозгласилъ хозяинъ, появляясь во всемъ своемъ добродушіи и величіи на порогѣ нашей комнаты, пододвинулъ себѣ стулъ и, плотно укоренившись на немъ (стулъ подъ тяжестью П. А. жалобно затрещалъ), задалъ намъ весьма существенный, конечно, но ужъ очень неожиданный, для столь ранняго утра, вопросъ:— „Ну, а что мы будемъ ѣсть сегодня, господа?“— Не зная еще за милѣйшимъ П. А. слабости сладко покушать, я, по правдѣ, нѣсколько поразился такой ранней заботѣ о хлѣбѣ насущномъ, но потомъ, хотя я и не совсѣмъ привыкъ къ этимъ обычнымъ утреннимъ изысканіямъ, но все-же они казались уже болѣе естественными и я даже прилагалъ свои услуги, желая выручить поскорѣе хозяина изъ этого, казалось, критическаго положенія, именно критическаго, т. к. недоумѣвающее лицо П. А. выражало

именно отчаянное, какъ будто, положеніе и за равновѣсіемъ коего онъ и прибѣгалъ аккуратно между 5—6 час. утра къ нашей, по правдѣ говоря, немѣлой помощи. Мы больше соглашались на его предложенія и всячески старались его чистосердечно увѣрить, что и борщъ изъ сушеныхъ карасей хорошъ, да и колбасы жаренныя, домашняго приготовленія, къ водкѣ не имѣютъ себѣ соперниковъ, какъ закуска, а если заходила рѣчь о вареникахъ, то ужъ тутъ напоръ нашихъ желаній не подлежалъ, видимо, сомнѣнію и успокоенный П. А. удалялся на нѣсколько минутъ, вѣроятно, для распоряженія по безпокоившему его и рѣшенному съ обоюднаго согласія вопросу.

Да не подумаетъ читатель, что вся энергія П. А. тратилась на придумываніе обѣда и ужина. Нѣтъ, далеко нѣтъ. Несмотря на его годы и „корпуленцію“, онъ меня часто поражалъ своей чисто юношеской порывистостью и энергіей. О чемъ-бы ни заводилась рѣчь, онъ одинаково увлекался разговоромъ; во всѣхъ его сужденіяхъ были видны обширный жизненный опытъ, образованіе и знакомство съ нѣкоторыми видными дѣятелями. Мечтательная и подвижная натура его не позволяла ему равнодушно сидѣть на мѣстѣ, слушая чей-нибудь рассказъ. Онъ волновался, если рассказъ принималъ оживленное направленіе, искренно сожалѣлъ и сочувствовалъ неудачѣ какой-нибудь; словомъ, отзывчивость его ни на минуту не дремала и его выразительное и открытое лицо ясно о томъ свидѣтельствовало. Необыкновенно свѣжая память его часто поражала меня—зайдетъ-ли рѣчь о какомъ-нибудь охотничьемъ эпизодѣ, описанномъ кѣмъ-нибудь изъ нашей братіи „балующихъ перомъ“—онъ во всеоружіи своего необыкновеннаго для его лѣтъ дара спѣшитъ деликатно поправить увлекшагося рассказчика ссылкой на такой-то № журнала „Природа и Охота“, или „Журнала Мина“, Корша, или „Псовой и Ружейной Охоты“. Болѣе всего мнѣ было пріятно видѣть въ немъ интересъ къ новизнѣ вообще. А ужъ

если рѣчь заходила о собакахъ и травляхъ, то тутъ онъ выглядѣлъ дѣйствительно юношей. Въ полѣ во время равненія по безконечнымъ оранкамъ и бурьянамъ на своихъ дрожкахъ, запряженныхъ сѣрой или вороной рысистой маткой, онъ являлъ намъ примѣръ неутомимой энергіи, знанія и юношескаго пыла. Надо было быть 20-лѣтнимъ начинающимъ охотникомъ, чтобы такъ летать по мокрой пашнѣ, подъ дождемъ съ утра до вечера, поспѣвая на всѣ травли, и съ одинаковымъ неослабѣвающимъ пыломъ интересоваться всѣми перепетіями каждой травли; и къ вечеру этотъ жизнерадостный и желѣзный человѣкъ былъ такимъ же подвижнымъ, какъ и утромъ. Завидно было смотрѣть.

Надежды на пріятное поле, въ смыслѣ погоды, не было никакой, когда мы около 6 час. утра собрались за чайнымъ столомъ. Дождь хлесталъ, какъ изъ ведра, было всего 4^о и вѣтеръ яростно трепалъ остатки облетѣвшаго парка. Было рѣшено, пока что, заняться осмотромъ общихъ боевыхъ силъ, т. е. попросту осмотрѣть всѣхъ борзыхъ. А тутъ были представители сѣвера и юга, и послѣднихъ посмотриѣть было мнѣ особенно интересно. Любопытно было взглянуть поближе на тѣхъ, которые, устами южныхъ охотниковъ, ловятъ чуть-ли не безъ упуска все побѣжавшее въ мѣру, а мѣра въ ихъ разсказахъ превосходила обычную, понятную для меня, сѣверную охотничью дистанцію. Боялся я, откровенно говоря, этихъ соперниковъ изрядно и тѣмъ болѣе, что мои первоосеннія сучки почти и не скакали дома, а тѣ, что были со мною въ Першинѣ, не очень-то меня порадовали. Положимъ -- Першино послужило имъ, въ сущности, какъ бы подготовкой, такъ что теперь-то именно и предстояло имъ показать себя по степнымъ русачкамъ, вступивъ въ состязаніе съ собаками, привыкшими жить на волѣ круглый годъ, привыкшими къ грунту — мягкому, липкому чернозему, привыкшими, наконецъ, къ громаднымъ длиннымъ ловлямъ по безбрежнымъ степнымъ мѣстамъ и крутымъ оврагамъ. Но къ моему

успокоенію и для этого случая, я вспомнилъ подходящее изреченіе народной мудрости: „страшенъ чортъ, да милостивъ Богъ“.

Выводка началась съ борзыхъ Гриши. Двѣ почти бѣлыя суки кровей Озерова и кн. Д. И. Ш.-Ш. произвели впечатлѣніе рѣзвыхъ сукъ на сухихъ ногахъ, съ большими напружинами, съ очень недурными головками и въ прекрасномъ полевомъ порядкѣ. Эта любимая свора Гриши очень рѣзво скакала, но, къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось ни разу чисто травить съ ними — провѣрить ихъ съ моей сворой. Затѣмъ — свора бурматныхъ, по происхожденію отъ очень кровныхъ собакъ, кажется дѣти «Черкеса» Першинской Охоты и суки кн. Д. И. Ш.-Ш., но ничего особеннаго изъ себя не представляющихъ, — плохо одѣты въ какую-то неопредѣленного окраса и характера псовину, съ грубоватыми головами и свѣтлыми глазами.

Послѣ нихъ привели свору крымачевъ, — чернецы, монахи или крымардоны, какъ ихъ прозвали. Два черныхъ растянутыхъ кобеля, на очень сухихъ ногахъ, съ довольно рельефной мускулатурой и хорошими скаковыми признаками. Лично мнѣ крайне антипатичныя животныя. О нихъ отзывались, какъ объ очень рѣзвыхъ собакахъ, но на первомъ же серьезномъ испытаніи они показали себя ниже всякой критики и были развѣнчаны, слава ихъ померкла и вмѣстѣ съ нею, къ моей искренней радости, Гриша отъ нихъ совсѣмъ отвернулся. Въ добрый часъ.

Собаки А. Ф. М., которые слѣдовали за Гришиними, въ общемъ были по виду кровнѣй и одѣты лучше. Въ нихъ очень ясно сказывалась кровь хорошихъ Озеровскихъ собакъ. Двѣ его суки, чуб.-пѣг. «Вѣдьма» и полов.-пѣг. «Вьюга», однопометницы, представляли собой прекрасный кадръ для будущаго. Костистыя, рослыя, съ прекраснымъ ребромъ, чудной мускулатурой и обѣ съ напружинами онѣ были и однотипны. Заднія пружинистыя ноги и широчайшая степь съ прекрасно развитыми мочами не ос-

тавляли сомнѣнія въ ихъ рѣзвости, а рассказы о нихъ всѣхъ присутствующихъ только подтверждали явные признаки. А. Ф., въ сущности, посадилъ ихъ. Онъ затравилъ ими въ одно поле что-то около 12 или 14 русаковъ, когда онѣ были по первой осени! Такъ что теперь по 3 осени онѣ, со словъ владѣльца, уже много сбавили скачки. Жаль, что у этихъ чудныхъ сукъ головки нѣсколько портили общее внушительное о нихъ впечатлѣніе. Конечно, А. Ф. умалялъ ихъ полевые достоинства изъ скромности, ибо онѣ преблагополучно ловили и при этихъ невозможныхъ условіяхъ прошедшей осени по раскисшему чернозему и въ гору, и подъ гору, и по цѣлинѣ, и по оранкамъ. Ему принадлежитъ и лавровый вѣнокъ за наибольшій процентъ затравленнаго звѣря. Если память мнѣ не измѣняетъ, имъ затравлено 62 процента на 3 своры. Правда, что онъ прибылъ почти на 2 недѣли раньше начала общей охоты и не сидѣлъ дома, такъ что это обстоятельство, конечно, имѣло значеніе для окончательнаго вывода.

Теперь была очередь за извѣстными по красотѣ собаками кн. Д. И. По большей части онѣ всѣ или происходятъ отъ Першинскихъ собакъ, или, благодаря истинно царской щедрости Его Высочества, подведены князю. Есть нѣсколько собакъ съ кровью собакъ покойнаго Озерова. Собаки, надо сказать къ чести добрейшаго Д. И., представлены были въ блестящемъ порядкѣ, несмотря на то, что люди, на которыхъ лежала обязанность кормить и холить ихъ, были далеко не безупречны и доставляли много хлопотъ и горькихъ минутъ ихъ хозяину, который, несмотря на свою доброту, часто не выдерживалъ, приходя въ отчаяніе отъ тѣхъ нелѣпыхъ выходокъ, на которыя приходилось ему наталкиваться, имѣя дѣло съ этими грубыми, лѣнивыми и фальшивыми «Мазепами», какъ онъ ихъ называлъ. Къ концу отъѣзда они до того издергали ему нервы, что просто жаль было смотрѣть на него. Да и подумайте, какъ не притти въ отчаяніе—съ одной сто-

роны истинная любовь и вниманіе къ своему дѣтищу — борзымъ, въ которыхъ онъ вкладываетъ душу, а съ другой, несмотря на всевозможные приемы на почвѣ самолюбія, на почвѣ всевозможныхъ людскихъ слабостей, которыми можно повернуть шаръ земной, заботы — полнѣйшее равнодушіе, фальшь, лѣнь, упорная толстая броня закоснѣлости и индифферентизма и колоссальное хохлацкое упрямство. Кажется, вся жизнь ихъ сосредоточилась на полтинникѣ — дайте ему 50 к. больше, онъ пойдетъ къ вамъ служить на любую должность, черезъ день кто-нибудь другой предложитъ еще 50 к. больше — онъ къ тому перейдетъ. И при этомъ то-же небрежное отношеніе къ принятымъ на себя обязанностямъ, та-же лѣнь, та-же медвѣжья неповоротливость тѣла и ума.

Вотъ съ какими людьми приходится имѣть дѣло и держать борзыхъ. Какъ на пріятное исключеніе могу указать на Игната, борзятника А. Ф. Онъ, хотя и «Мазепа», но привязанъ къ хозяину, любитъ собакъ и охотникъ въ душѣ. Борзыхъ, которыхъ мнѣ показаль кн. Д. И., дѣйствительно заслуживали всяческаго вниманія и похвалы. Чудныя суки — чубарая «Нѣга», чуб.-пѣг. «Щеголка» и «Аврора», Першинскихъ кровей, имѣли бы громадный успѣхъ на любой выставкѣ; кобели «Ильдызъ» богатырской сложки и сухой до пес plus ultra и молодой первоосенникъ «Блистай», пріятно щекотали охотничье сердце. Всѣ эти 5 выдающихся собакъ настолько хороши, что писать объ нихъ я считаю совершенно излишнимъ, въ виду того, что каждый псовый охотникъ, если не видѣлъ въ натурѣ, то на прежнихъ приложеніяхъ къ охотничьимъ журналамъ могъ познакомиться съ этимъ типомъ, представителями котораго были «Лебедь», «Выручай», «Кайсакъ», «Наградка» и др., чудныя красавцы прежнихъ собакъ, возстановленныхъ заботами и умѣньемъ Великаго Князя Николая Николаевича. Свои полевые качества онѣ доказали тѣмъ, что у кн. Д. И. процентъ затравленнаго звѣря оказался къ концу отъѣзда всего на одинъ про-

центъ ниже чѣмъ у А. Ф. Ъздилъ князь на 4 своры, но, чтобы быть безпристрастнымъ, я долженъ упомянуть о томъ, что въ его лавровый вѣнокъ должны быть вплетены нѣсколько листочковъ, завѣнчивающихъ этотъ вѣнокъ и принадлежащихъ неотъемлемо его двумъ весьма маленькимъ и незамѣтнымъ англичанамъ—«Стрѣлкѣ» и «Альбіону», чубарымъ песикамъ. Безъ этихъ нѣсколькихъ листочковъ, составляющихъ одну небольшую вѣточку, вѣнокъ могъ-бы показаться не такимъ полнымъ и эффективнымъ, нѣсколько какъ-бы выщипаннымъ. Но «побѣдителя не судятъ», и мы перейдемъ съ балкона въ теплую уютную столовую и выпьемъ рюмочку перцовки, закусивъ ее удивительнымъ малороссійскимъ саломъ, другую—домашней колбасой, а третья послужитъ преддверьемъ для четвертой и, пожалуй, послѣдней.

За обѣдомъ было рѣшено, что несмотря на адскую погоду, мы все-таки хоть на полъ-часочка выйдемъ повертѣться около дома. Просто для проводки собакъ, засидѣвшихся два-три дня безъ поля. Думаю, что каждый изъ насъ съ трепетомъ вѣхалъ на мокрыя стерни, у каждого, вѣроятно, вертѣлось въ головѣ:—какъ бы не протравить, не осрамиться на первыхъ порахъ. Проравнявшись съ четверть версты, я чуть не рѣшилъ ѣхать домой. Вообразите себѣ мой ужасъ, когда я увидѣлъ на лапахъ у собакъ по полфунта прилипшаго чернозема на каждой ногѣ и вы поймете мое настроеніе. Это было состояніе близкое къ отчаянію и если-бы не побѣждавшій изъ-подъ своры кн. Д. И. русакъ, котораго собаки скоро заловили и поймали, я бы такъ и уѣхалъ, или не спустилъ бы своры. Но здѣсь доказательство было налицо—ловить можно и очень недурно, а стало быть и отчаяваться нечего. Но бѣдныя собаки—на что онѣ были похожи послѣ ловли! Вся грудь, голова, ноги, все это было черно, все покрыто прилипшимъ жирнымъ черноземомъ. Лапы похожи были скорѣе на громадные черные кулаки, пазанки и тѣ представляли собою старую

свальявшуюся бахрому, а въ разинутые щипцы просто жалко было смотрѣть, до того тамъ было черно отъ попавшаго въ ротъ чернозема. Проравнялись еще съ версту и, завернувъ къ дому вдоль громаднаго оврага, благополучно прибыли съ однимъ русакомъ домой, мокрые, озябшіе, но бодрые и жаждущіе на завтра тряхнуть какъ слѣдуетъ посадки и бурьяны.

Выйдя утромъ на крыльцо, мы долго не могли разсчитать, куда кому сѣсть на линейкѣ—хотѣлось уравнивать тяжесть, но въ концѣ концовъ все-таки легче мы не стали и рослой кровной тройкѣ пришлось таки натягиваться, вывозя насъ изъ раскисшаго чернозема. Ъхать пришлось не долго и, поднявшись на бугоръ, мы увидѣли всю охоту, ожидавшую нашего приѣзда. Сѣли на лошадей, разобрали борзыхъ и тронулись, внимательно оглядывая каждый кустикъ курая, каждый бурьянчикъ. Охъ, ужъ какъ мнѣ было противно ѣхать по оранкѣ (пашнѣ)—лошадь вязнетъ, собаки выдираютъ загруженные прилипшимъ черноземомъ ноги и каждый шагъ по этой, казалось, безконечной, изрытой плугами землѣ дергалъ натянутые до крайности нервы. Какое-то скверное чувство заползало въ душу, не то злость на все и всѣхъ, не то трусость, что вскочить неожиданно русакъ и безъ угонки на глазахъ у 12 сворѣ уйдетъ, уйдетъ и уйдетъ. Это «уйдетъ», какъ маятникъ большихъ часовъ, равномерно въ тактъ шага лошади, безсознательно какъ то, повторялось мной и долбило меня. Это была ужасная пытка. Но вотъ и ей конецъ, этой оранкѣ. Въѣхавъ на стерни (паръ), сразу отлегло отъ души, бодрѣе сѣлъ въ сѣдло и подъ первымъ же, буквально первымъ, кустикомъ курая увидѣлъ сѣро-желтый комочекъ. Не знаю почему, до сихъ поръ не понимаю, но я проѣхалъ мимо него. Постыдно, но проѣхалъ. Гриша, которому страшно хотѣлось подзрѣть русака съ цѣлью доставить вѣроятно мнѣ удовольствіе, посмотрѣть скачку моихъ собакъ и удовлетворить любопытство остальныхъ охотниковъ, не

прозѣвалъ его; онъ было проѣхалъ его, но затѣмъ повернулъ лошадь и, убѣдившись, что это русакъ, пригласилъ меня травить. Никогда не забуду я того ощущенія, которое я испыталъ, подъѣзжая къ этому первому, степному, дувшемуся русаку. Это чувство, я думаю, схоже съ тѣмъ, которое испытываютъ люди, идущіе на казнь. Какъ-то все замерло, осталось гдѣ-то вдали. Видя неизбѣжность положенія, осталась одна рѣшимость. Какой-то туманъ окуталъ всѣ чувства и ясное сознаніе окружающаго. Кромѣ рѣшимости довести дѣло до конца т. е. подъѣхать и травить русака, иныхъ думъ не было. Забыто было въ эти мгновенія, что остальные 10 сворѣ остановились и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрятъ, ждутъ и думаютъ:—«Ага, ну-ка посмотримъ, каково-то, молъ, себя покажутъ пріѣзжія собачки!» — Смѣю думать, что и желаніе, чтобы русакъ ушелъ, не было забыто. Страхъ свой собственный, что уйдетъ каналья, степной-косоглазый, и самолюбіе были заглушены всею же неизбѣжностью, а неизбѣжность—рѣшимостью. Но вотъ именно ее-то и родила неизбѣжность. Помню только, что передъ тѣмъ, чтобы толкнуть русака, я мелькомъ, вѣроятно, по инстинкту или привычкѣ, взглянулъ, гдѣ голова, куда головой лежитъ и затѣмъ, посмотрѣвъ по тому направленію, какъ сквозь дымку увидѣлъ мѣняющіяся въ перемѣшку полосы оранки, зеленей и стерней; но не успѣлъ я и кончить протяжнаго—«ату его»!—какъ онъ вскочилъ.—„Ухъ его“!—и почти разомъ сброшенные двѣ своры—моя и Федора, о которомъ я совершенно забылъ, полетѣли къ нему. Вотъ круто сбили на оранку, и русакъ почувствовавъ, что ему здѣсь плохо, въ нѣсколько прыжковъ молодецки вновь бросился на сравнительно твердыя стерни и отдѣлился. — „Ухъ его, у-ухъ его“!—вотъ выкинулась половая первоосенница „Птичка“, зажадничала и, сбивъ лихой угонкой русака съ принятаго имъ направленія, сбила его опять на оранку, но молодчина знаетъ свое дѣло, выдрался и такъ же свѣжо покатилъ въ чуть замѣтную прилобину. — «Ну-ка его,

ухъ его», — вотъ набираетъ тоже первоосенникъ „Кинжалъ“, мой любимецъ, объѣхалъ переднюю, нагнулся и, не сноровившись, покатился по зеленымъ. Эхъ, досада! Сомнѣніе начинается закрадываться, а русакъ, какъ нарочно, начинается наддавать и отрастать. Неужели уйдетъ? Позоръ, стыдъ! Федоръ на болѣ легкой лошади катитъ впереди и неистово атукаетъ и ухааетъ, какъ мнѣ показалось, безнадежно, чувствуя, вѣроятно, какъ и я, неустойку. Я же отсталъ и проклятыя слезы, не досады или радости, а просто отъ вѣтра и напряженія зрѣнія, не даютъ отчетливо видѣть происходящее впереди. Нѣтъ не осрамятся собачки, вотъ еще угонка, и еще. Я толкаю своего калмыка и, приблизившись, вижу уже иную комбинацію: — русакъ, видимо, заслабъ, какъ-то нелѣпо подкидывая задъ, видимо сдаетъ. Вотъ неожиданно черкнула, какъ ястребъ, какая-то сука, и брошенный вновь на оранку русакъ сразу осѣлъ. Ррр-азъ — и потащили... Ого-го! вотъ, когда чувствуется сладость побѣды! Спасибо, дорогія собаченьки. «Ого-го-го!» — торжествующе вопимъ мы съ Федоромъ, подскакивая къ зарѣявшимъ грязнымъ, чернымъ отъ налипшаго чернозема борзымъ. Долго такъ мы возились, откалывая и пазанча русака. Подъѣхалъ на дрожкахъ П. А. Обернувшись, я невольно замѣтилъ на его лицѣ удивленіе, когда онъ поздравлялъ меня съ первымъ русакомъ. Немного поспорили, которая поймала и, давъ глотнуть двошившимъ борзымъ по нѣсколько глотковъ воды изъ бутылки, разобрали собакъ и тронулись дальше.

Направленіе было взято на посадки, виднѣвшіяся верстахъ въ 2 впереди. Насколько я помню, до самыхъ посадокъ никто ничего не травилъ. Размѣстились на лазахъ и тщетно прождали минутъ съ 20 — гончія ничего на борзыхъ не выставили. Очевидно, звѣрь былъ весь въ поляхъ. Равняясь съ Федоромъ вдоль опушки посадокъ, на насъ налетѣлъ откуда-то справа совершенно неожиданно русакъ и мы тутъ-же второчили его. Въ бурьянахъ, виднѣвшихся вдали, мы думали найти садокъ зай-

цевъ. А. Ф., равнявшійся вдоль оранки, побудивъ русака, очень лихо его затравилъ своими сучками, не давъ молодцу даже расправить ножки. Въѣхали наконецъ въ бурьяны, остановились и, дождавшись заѣзда всѣхъ своръ, тронулись. Не привыкшія къ колючимъ кустикамъ курая, особенно густого здѣсь, мои борзые все прыгали черезъ, боясь уколотся, да по правдѣ и я боялся, какъ бы онѣ не занозили себѣ лапы. Разравнявшись и захвативъ линіей равенія $\frac{1}{2}$ бурьяновъ, свора А. Ф. сейчасъ же начала травить, но борзятникъ никакъ не могъ показать, и поздно ввозрившіяся борзые уже не могли достать по чистому твердому мѣсту удалѣвшаго русака. Дойдя до конца и повернувъ назадъ по незахваченному мѣсту, мы ничего не нашли здѣсь. Но только что линія своръ вступила на оранку, какъ борзятникъ кн. Д. И. подозрилъ русака. Долго его ловили псовые и обѣ англичанки его, травля почти была невидима для меня, а подъ конецъ и совсѣмъ скрылась за бугоръ. Въ концѣ концовъ альбіоны замучили таки русака и онъ былъ пойманъ. Мы всѣ стояли и ждали. Наконецъ эти своры вернулись, но не успѣли въѣхать въ линію, какъ почти на томъ же мѣстѣ опять подозрели русака. И эта травля была плохо видна, и опять послѣ очень долгой ловли его замучили. Я нарочно говорю «замучили», а не поймали, т. к. для меня ловля англичанъ не представляется ловлей, лихой, мѣняющейся, какъ картины въ волшебномъ фонарѣ—когда вы не знаете и не ожидаете того, что вамъ покажутъ. Такъ и здѣсь—отъ молодецкаго молніеноснаго налета псовой русакъ выкидываетъ совершенно неожиданные фортели, отъ броска онъ ошалѣваетъ; подъ ловлей псовыхъ вы видите, какъ звѣрь теряется, какъ собака, полная азарта, кидается, горячится часто во вредъ успѣху, но зато эта страсть, которая туманитъ вамъ очи, и съ которой происходитъ состязаніе, передается удесятеренная и вамъ, тутъ—жизнь страстная, охотничья. Не то у англичанъ—они какъ будто отжариваютъ за-

ученный урокъ, который имъ до смерти надоѣлъ и, чѣмъ скорѣе они заработаютъ 12 балловъ, тѣмъ имъ пріятнѣе. Именно заработаютъ, ибо это не головокружительная, удалая, не знающая удержу, страстная, дикая удалъ, столь родственная русскимъ псовымъ охотникамъ, а работа методичная, сухая, корректная—только-бы поймать, хоть за 2 версты. Нѣтъ, не поклонникъ я этихъ песиковъ и ихъ методичной, какъ машинка какая-нибудь, страсти, которой, конечно, у нихъ отнять нельзя, но само слово «страсть» какъ бы профанируется по отношенію къ англичанамъ. Это, какъ бы сказать, ну хоть, страстная работа. Но именно, не производящая впечатлѣнія чистой, самозабвенной страсти. Глядя на ловлю англичанъ и ихъ методичную скачку, вы заранѣе видите, что вотъ сейчасъ будетъ угонка, по большей части не крутая; вотъ опять мѣрно набирающій какой-нибудь «Макферланъ» такъ же мѣрно угонитъ, и такъ идетъ ловля съ начала до долгаго конца, анемичная, корректная, тусклая. Нѣтъ, это не метеоромъ пронесшійся, мелькнувшій, лихой, чертовскій и страшный, по полнотѣ чувства, порывъ. Нѣтъ, это не широкій размахъ страсти. «Шьютъ», а не «жгутъ».

Тронулись дальше къ запущенному парку, гдѣ имѣлись въ виду лисички. Не доходя съ десятину до опушки, я наѣхалъ русакѣ на зеленяхъ. Его буквально сожгли не болѣе, какъ на 200 кв. саж., и подѣхавшій П. А. еще болѣе, полнѣе долилъ кубокъ моего удовольствія и гордости, удивившись, какими ногами поймали этого молодца. Въ паркѣ ничего не нашли, хотя работавшіе хохлы увѣряли, что тутъ «есть лысыця, бо вона всіхъ индюковъ и гусей поіла». Но гончія этого аргумента не приняли во вниманіе и мы съ грустью, перебравшись черезъ оврагъ мимо усадьбы, развернулись по цѣлинѣ.—«Эхъ, вотъ бы гдѣ вскочилъ, да нѣтъ, шельмецъ, здѣсь, конечно, какъ нарочно не побѣжитъ,»—обращаюсь я громко къ А. Ф. А шельмецъ-то ужъ и замелькалъ изъ-подъ нашего «осаднаго парка»—

кн. Д. И. и П. А. Прямо изъ-подъ колесъ ихъ дрожекъ выерзнулъ и забарабанилъ по упруго-твердой цѣлинѣ цвѣлый русачина. Выдѣлился было какой-то половый кобель, но, видимо, случайно, ибо видно было, какъ русакъ все дальше отдѣлялся отъ него. Но вотъ поспѣла чубаро-пѣгая свора. Тучей накрыли его княжескія собаки и какая-то изъ чубаро-пѣгихъ, пахнувъ мимо всѣхъ, кинула его назадъ ушами прямо въ ротъ заднимъ. Вотъ это—по нашему! Кровь кипитъ при одномъ воспоминаніи объ этихъ жгучихъ ловляхъ.

Предстояло проравняться версты полторы по топкимъ, скорѣе рыхлымъ, зеленымъ. И тутъ я увидѣлъ то, что никогда до сихъ поръ не видалъ: одинъ изъ «крымардоновъ» Гриши выслѣдилъ и осторожно, на чутье, подобравшись къ лежавшему русаку, на лежкѣ его поймалъ. Весь этотъ пассажъ произошелъ въ тылу у своръ и замѣтили это только по отчаянному крику русака. Вотъ ужъ именно: «коль силой взять нельзя, такъ надо брать лукавствомъ.»

Непріятное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ эпизодъ, сопровождавшійся отвратительнымъ и несмолкавшимъ оромъ русака, котораго этотъ песъ никакъ не могъ тиснуть такъ, чтобы духъ вонъ. Тутъ же, сзади своры А. Ф., выкатилъ еще одинъ, котораго онъ благополучно и второчилъ около цѣлины. Тронулись, и вдали по зеленымъ опять замелькали не въ мѣру вскочившіе еще два русака. Травить ихъ никто не отважился. Холодный дождь и вѣтеръ совсѣмъ насъ одолѣли и развели черноземъ. Жалко было смотрѣть на наши иззябшія и мокрыя фигуры. Борзые дрожатъ отъ пробившей ихъ псовину холодной воды и ледящаго вѣтра, лошади мокрые, поводья, свора—все раскисло. Руки сдѣлались крюки, и окоченѣвшіе пальцы въ промокшихъ насквозь перчаткахъ не могутъ исполнять свое назначеніе; все скользитъ и валится изъ рукъ. Скорѣе бы до дому добраться. Но ненасытная страсть не спитъ. Нѣкоторые изъ борзятниковъ все-же норовятъ за-

браться на оранку въ чаяніи найти русачка. И старанія ихъ не напрасны. Будится русакъ изъ-подъ своры кн. Д. И., и его очень ловко ловить одна изъ псовыхъ послѣ первой-же угонки. Сейчасъ же выкатываетъ второй изъ-подъ Гришиныхъ «монаховъ» и, натеревъ имъ носъ горчицей, блистательно, безъ угонки, уходитъ въ тѣ посадки, которыя мы въ началѣ дня проходили съ гончими, а изъ-подъ этой травли вскакиваетъ другой у опушки и тоже уходитъ. Кажется, ушелъ.

Но вотъ и «Чумацкій бугоръ», цѣлиный бугоръ въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ дома. Приятно было войти въ теплый свѣтлый домъ, умыться, согрѣться и сѣсть за столъ, за рюмочку съ добрыми, милыми хозяевами и пріятелями. Это поле мы не дотянули до дюжины всего на одного русака. Затравили 11 штукъ и, разложивъ ихъ попарно на громаднхъ пятипудовыхъ тыквахъ, я увѣковѣчилъ эту группу, окруженную всѣми дѣятелями — борзятниками и господами. Хоть и темненько было для сниманія, фотографированія, но все-же снимокъ вышелъ не дурной, для такого сѣраго свѣта. Пообѣдавъ, перебрались, какъ и всегда, играть на билліардѣ и за этимъ занятіемъ провели часа два, затѣмъ подали чай и неимоверное количество сластей. Это не были вазы или блюда, нѣтъ, у П. А. все дѣлается нараспашку, en grand. Подавали прямо ящики, буквально, и ими установленъ былъ весь билліардъ. Тутъ было все, что можно придумать и достать въ большомъ губернскомъ городѣ. Всякой вещи или сласти было не менѣ, какъ по $\frac{1}{2}$ пуда, — пастила, мармеладъ, бушэ, разныхъ сортовъ печенье, прянички, сушеные фрукты, вареные они-же, конфекты, кievское варенье знаменитаго Балабухи, варенье домашняго приготавленія тоже въ не менѣ обширномъ количествѣ. Словомъ, «чего хочешь—того просишь». Но здѣсь эта поговорка къ общему удобству не примѣняется, а прямо безъ спроса берешь, что тебѣ милѣе. По правдѣ, было страшно смотреть, какъ наши охотничьи аппетиты распра-

влялись съ этими неисчерпаемыми запасами. П. А. былъ и тутъ, на этомъ дѣлѣ, неутомимъ и энергичнѣ всѣхъ. Онъ методично, твердо и тихо двигался вдоль билліарда, останавливаясь на нѣсколько минутъ противъ cadaго изъ ящиковъ, опускалъ въ него свою длань и, почерпнувъ изъ него по нѣсколько штукъ содержамаго, такъ же методично, быстро отправлялъ это въ ротъ. Жую онъ издавалъ лишь какія-то неразборчивыя междометія въ отвѣтъ на наши одобрителные отзывы о сластяхъ и о его аппетитѣ. Изъ его правой руки лилась какъ - бы рѣка мармелада, конфетъ, шоколада, кіевскаго варенья и т. д. по направленію ко рту и исчезала тамъ. Гдѣ онъ проходилъ, тамъ ящикъ представлялъ изъ себя какъ бы покоренную и разоренную страну послѣ набѣга крымскихъ татаръ. Завидно и удивительно было смотрѣть на его здоровье, на силу его пищеварительнаго аппарата и на азартъ его къ ѣдѣ. Это былъ какъ-бы миѳическій богъ ѣды. Не знаю, но я думаю, что таковой долженъ былъ существовать у древнихъ эллиновъ. П. А. шелъ въ головѣ, расчищая дорогу. Мы, жалкіе его подражатели и сподвижники, тянулись за нимъ. И замѣтте, что фееричный аппетитъ П. А. проявлялся уже послѣ обильнѣйшаго обѣда, за которымъ уничтожался нами цѣлый гусь, громадная миска борща, нѣсколько фунтовъ сала, различнѣйшія закуски и соотвѣтственное количество сладкаго. Все это заливалось чудными винами, хранившимися гдѣ-то въ преисподней подъ домомъ. Ежедневно извлекалась оттуда новая бутылка и любезно предлагалась нашему вниманію. Конечно, мы съ полнымъ сочувствіемъ относились къ этимъ ископаемымъ остаткамъ, жалѣя, что всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, что запасы вина убавляются и что и ему будетъ конецъ.

VIII.

Мы ложились спать рано, и также рано вставали. Обыкновенно красавица заря, шалунья, не успѣвала даже какъ слѣдуетъ согрѣть своимъ теплымъ дыханіемъ остывшую за ночь землю и покрывшіеся бѣлымъ налетомъ морозца травку и листья, какъ ужь мы, сладко потягиваясь, ожидали, когда откроются ставни оконъ. Хлопнула сосѣдняя дверь, выходящая изъ половины П. А. прямо на крытыя сѣни и дворъ, и зычный голосъ его уже возвѣщалъ насъ о погодѣ. Солнце, этотъ дорогой жизненный эликсиръ, соскучилось видно безъ земли, рѣшивъ еще побаловать живущихъ на ней своими живительными лучами. Чудно-тихое, осенне-свѣжее, южное утро встрѣтило меня своими нѣжными объятіями на крыльцѣ, выходящемъ въ паркъ. Вдохнувъ не только полною грудью, но и всѣми порами и нервами весь тотъ озонъ, который я только могъ вмѣстить, я почувствовалъ, какъ это божественное утро, ласково-нѣжно и любовно обнявъ меня, омолодило, освѣжило и наполнило желаніемъ жить, дѣйствовать; наполнило той жизненной энергіей, которая зовется жизнерадостностью. Все, что бываетъ тяжелаго, все, что угнетаетъ въ жизни, думы, дѣла, весь жизненный грузъ, не покидающій человѣка и какъ-бы держащій его въ плѣну у себя, вся пошлость, грубость и расчетъ, окружающіе его существованіе, все это отлетаетъ далеко-далеко въ такія минуты, рѣдкія, чудныя, благодѣтельныя минуты. Хочется жить, радоваться, хочется мира, согласія, гармоніи во всемъ; на все смотришь глазами радости, всѣ движенія души дѣлаются, какъ-то, непосредственными, полными ласки и любви ко всему окружающему. Да, дороги онѣ, эти рѣдкія минуты! И чѣмъ онѣ рѣже, тѣмъ сознательнѣе воспринимаешь ихъ и тѣмъ глубже запечатлѣваются онѣ въ памяти. Но

тѣмъ нетерпѣливѣе и мучительнѣе ждешь и ловишь ихъ и, достигнувъ, жаднѣе и жаднѣе льнешь къ нимъ, желая какъ бы проникнуться ими, сдѣлать запасъ на будущее, неудовлетворенное, тревожное, неизвѣстное, чаще тяжелое. Хочется упиться налетѣвшимъ, мимолетнымъ отдыхомъ; хочется прильнуть, припасть губами къ нѣжному и ароматному напитку счастья, пить его не отрываясь и, опьянѣвъ, забыться глубоко.

Я стоялъ очарованный подъ наплывомъ этихъ рѣдкихъ чувствъ, навѣянныхъ волшебнo-тихимъ, свѣжимъ утромъ и много-много думъ роилось въ головѣ моей. Утренній холодокъ, незамѣтно подкраившійся подъ звуки моего настроенія, заставилъ однако притти въ себя. Какъ мимолетно, какъ трудно уловимо и кратко даже такое безобидное счастье, какъ анализъ своей души и чувствъ, наполнявшихъ ее въ это покойное утро. Не хотѣлось разставаться съ волшебнымъ навожденіемъ, но пришлось уйти.

На сегодня П. А. общалъ намъ наѣздку, чудную, по бурьянамъ, гдѣ всегда собираются русаки и лисички. Бурьяны эти давно меня интриговали—столько о нихъ говорилось за послѣднее время, что, когда подѣхавъ къ охотѣ, встрѣтившей насъ версты за 4 отъ дома и сѣвъ на своего калмыка, я взявъ въ руки свору, то охотничья лихорадка тутъ-же забрала меня и трепала все время, пока мы мѣрно, шагомъ, нога за ногу двигались кто—по зеленымъ, кто—вдоль ихъ по стернямъ къ обѣтованнымъ, чернѣвшимъ вдали, какъ траурная лента, бурьянамъ. Все ближе и ближе надвигались мы къ нимъ, и чѣмъ ближе—черный тонъ ихъ постепенно сталъ переходить въ бурый, стали видны плѣшины, потомъ болѣе рѣдкія и болѣе густыя мѣста и, наконецъ, бурьяны засѣрѣли. Не думаю, что-бы кто-нибудь изъ насъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не прозѣвать залегшаго въ зеленыхъ русачка. А, вѣдь, какъ хотѣлось травить. Но почему-то не вѣрилось, что здѣсь, по сосѣдству съ этими бурьянами, что-либо можетъ быть. Нѣтъ, навѣрное тамъ,

вдали, въ тѣхъ сѣрыхъ необъятныхъ бурьянахъ, тамъ ждетъ насъ счастье, тамъ забвенье всего, всего. По мѣрѣ нашего приближенія своры сѣзжались тѣснѣе, инстинктивно стремясь къ притягивающей цѣли. Лѣво-фланговая какъ будто уже сравнялась съ бурьяномъ. Да, остановились. Толкаю калмыка и рысью спѣшу къ нимъ. Зарысилъ и нашъ артиллерійскій резервъ — дрожки съ кн. Д. И. и П. А. сѣзжались почти вмѣстѣ. — «Ну, вотъ что, князь,» — обращается ко мнѣ П. А., сдвигая свою фуражку съ громаднымъ козырькомъ на затылокъ, — «какъ мы будемъ брать бурьяны?» — «Да какъ? Сѣдемся тѣсно, чтобы каждую пядь земли видѣть и тихо, безъ шума, по возможности, пойдемъ равняться вдоль, по длинѣ, вдоль насыпи; дойдя до конца и сдѣлавъ заѣздъ плечомъ налѣво-кругомъ, по нетронутому мѣсту опять назадъ, тамъ вновь поворотъ и опять равняться до конца, вотъ мое мнѣніе.» — «Ну а ваше, кн. Д. И., какъ?» — вопрошаетъ вновь П. А. Онъ видимо волнуется, руки его то опускаются въ карманы необъятной поддевки, то вновь онъ опрокидываетъ и такъ сидящій уже на затылкѣ картузь, то вновь надвинетъ его. — «А не лучше ли поперекъ?» — предлагаетъ онъ никѣмъ не одобренный планъ.

Въ концѣ концовъ рѣшаемъ итти вдоль, разставиваемся потѣснѣе и, нервно толкнувъ лошадей, въѣзжаемъ въ бурьяны. Бурьяны по стремя и довольно рѣдки — можно свободно разглядѣть шаговъ на 15—20 въ каждую сторону. Счастливецъ Гриша уже травитъ въ двѣ своры — мелькаютъ его бѣлые сучки, далеко бросивъ «лягушонка» (полукрымака, $\frac{1}{4}$ псовую, $\frac{1}{8}$ англ. и т. д.) Изъ-подъ его травли выкатываетъ еще что-то противъ своръ А. Ф. М. Бѣлый конь, заслуженный кабардинецъ его, несмотря на почтенный вѣсъ хозяина и свои года, наддаетъ по твердому, ровному грунту бурьяновъ. Вотъ 3-я свора Гриши ввязалась тоже и русакъ катитъ къ намъ. Размашистымъ, покойнымъ галопомъ несетъ меня калмыкъ наперерѣзъ; не то — спускать,

не то—не надо; какъ-то неловко, неопредѣленно складывается травля. Не хочется помѣшать, да и упустить жалко, не русака—случай помѣрить борзыхъ. Эхъ, была не была — спускаю и... зря: тутъ же русака ловятъ Гришины собаки. Живо подбираю собакъ и мы трогаемся дальше. Нашему правому флангу не везло: 4 своры не травили. Зато всѣ остальные 8 давно летали по бурьянамъ, буквально безъ передышки. Я даже не могу понять, какъ это у нихъ хватало ногъ и легкихъ. То двѣ-три изъ нихъ скроются за насыпь, то выскочатъ изъ-за нея, разстилаясь по кособору. Кое-гдѣ, видно, поймали и группа стоитъ со спѣшившимися верховыми.

Мы все подвигаемся, жадно и съ завистью смотря на непрерывныя травли. Вотъ уже версты полторы прошли и бурьяны, начиная рѣдѣть, переходятъ какъ бы въ отъемнички, величиной въ нѣсколько квадратныхъ саженъ—тѣмъ удобнѣе они для охотника. Наконецъ добрались до конца и, заѣхавъ плечомъ, тронулись по свѣжему мѣсту. Какъ по командѣ, разомъ вылетаютъ 2 русака: одинъ изъ подъ меня, другой изъ-подъ своры кн. Д. И. У меня на сворѣ была «Вѣдьма», полученная мною въ Першинѣ, и «Джигитъ» — своя собака. У Федора — «Поспѣшный», тоже подарокъ Его Высочества, и «Улада» — моихъ собакъ. Эта хотя и коротечная ловля, но доставила мнѣ и присутствовавшимъ П. А. и кн. Д. И. большое удовольствіе. «Вѣдьма» хищной птицей сорвалась очень жадно первой со своры и, сразу же завладѣвъ русакомъ, ни на секунду не давая ему воли и не изловчаясь броситься къ нему съ вѣрной поимкой, мотала его, какъ волна челнокомъ. Это было головокружительное состязаніе свѣжаго русака-бурьянника со свѣжей молодой собакой. «Джигитъ» равнялся съ «Вѣдмой», какъ бы не принималъ прямого участія, но вдругъ, когда я совершенно не ожидалъ отъ него какихъ-либо полезныхъ дѣйствій, — ловкимъ посовомъ потащилъ русака. Мнѣ даже обидно стало за «Вѣдму». Собаки Федора не попали въ ловлю,

такъ она была коротка. Только что отбивъ русака, собирався его пазанчить, какъ изъ-подъ нашихъ ногъ, буквально, выкатывается второй. Что тутъ дѣлать? Пускать или нѣтъ? Федоръ не совѣтуетъ— все же собаки не втянуты, въ особенности его свора, да и солнце грѣетъ изрядно. А русакъ дуется себѣ, вотъ онъ станетъ скоро теряться для глазъ по густому бурьяну. Собаки рвутся. — Ну, да пускай!—Ужъ и задалъ же онъ собакамъ жару, признаться—и намъ, не менѣе. Сорвавшись съ третьей угонки, онъ завольничалъ, вытянулъ борзыхъ и, отрастая все далѣе и далѣе, былъ пойманъ сворой Гриши, налетѣвъ на нее у самаго конца бурьяновъ. Это версты 2 онъ насъ, или мы его, какъ хотите, гладили. Остановившись, весь въ поту, глянулъ я назадъ и по сторонамъ—вездѣ травятъ! Было жарко, даже душно. Борзые мои, не привыкшія къ такимъ длиннымъ ловлямъ, лежали на боку съ высунутыми языками и умирали отъ жажды. Хорошо, что здѣсь рядомъ оказался чистый, глубокой прудъ, куда я и потянулъ, заставъ около него и Федора моего, и еще 3 своры. У всѣхъ торока уже были съ грузомъ, кто съ однимъ, кто съ двумя русаками. Отдохнули и тронулись далѣе. Но трогаться было очень мудрено. Куда ни ступишь—русакъ. Изъ этихъ 5 своръ моментально 3 стали травить. Я же съ Федоромъ, нарочно выбирая мѣста порѣже, хотѣлъ заѣхать отъ начала и тамъ, дождавшись остальныхъ,—трогаться. Мнѣ это удалось. Когда всѣ съѣхались и выравнившись опять тронулись, то нашъ флангъ разомъ заатукалъ и заухалъ—два русака, вскочившіе изъ-подъ Гриши и Павлушки кн. Д. И., доставили намъ много волненія. Русаки-ли попались порѣзвѣ, собаки-ли сдали скачки, но русаки оказались «кованные». Ужъ гладили, гладили одного изъ нихъ княжескія англичанки, то «уводя» его къ пруду, то «возвращая» его назадъ. А мы, не спустившіе своихъ борзыхъ, только подавались то туда, то сюда, желая выручить бѣдныхъ англичанокъ. Одно время казалось, что этотъ *perpetuum mobile*

не кончится—русакъ и собаки только ковыляли, но въ концѣ концовъ его одолѣли. Гриша тоже помучилъ собакъ, русака, лошадь и насъ. Его свора то провожала русака за насыпь желѣзной дороги и скрывалась, то русакъ путался въ посадкахъ вдоль полотна, то опять онъ бросался къ водомоинѣ, широчайшей и глубокой, а мы кидались то ему на помощь, то англичанамъ, смотря, которые были ближе, но и этого поймали. Словомъ, мы минутъ 10, стоя почти на одномъ мѣстѣ, имѣли случай наблюдать, какъ на садкахъ, картину псовой охоты въ наѣздку. Эхъ, хороша эта картина, чортъ побери, очень хороша:—просторъ, свобода и ни души кромѣ охотниковъ. Это, пожалуй, чуть-ли не самое пріятное. Перебѣнивъ фронтъ, пошли равняться въ другомъ направленіи и сейчасъ же вновь вскочилъ русакъ изъ-подъ мальчика, борзятника кн. Д. И., и тутъ же былъ пойманъ. Но тутъ оказалось, что у кн. Д. И. пропала одна свора, да еще какая! Передъ выѣздомъ своимъ изъ дома онъ специально купилъ у кого-то пару борзыхъ, очень рѣзвыхъ «по репутаціи», или по словамъ хозяина, не помню, и собирался ее подарить кому-то изъ своихъ пріятелей послѣ ѣзды. Но что это были за собачки! Лучше не спрашивайте. Впрочемъ, вскользь я, пожалуй, ихъ попробую изобразить. Во-первыхъ,—желтый, ободранный кобель, съ головой трехугольной, висячими ушами и подъ цвѣтъ шерсти глазами. Спина, какъ у сѣдистой старой бракованной кобылы, лапа кошачья, а хвостъ, какъ у кошки—длинный, не то обросшій, не то голый. Вотъ довольно вѣрный портретъ этого «кобелька». Сучку не берусь описывать, хотя кажется она «поэффектнѣе». Да, но однако, «украшенія охоты псовой» не было и кн. Д. И. далъ ходъ своимъ дрожкамъ и скрылся въ бурьянахъ. Мы тронулись. Дойдя опять до конца бурьяновъ и не видя хозяина пресловутыхъ рѣзвачей, пришлось остановиться. Наконецъ, показалось что-то и, постепенно вырисовываясь, подѣхалъ княже. Рѣзвачей не было. Бѣдный кня-

зенька былъ въ отчаяннѣйшій—всѣ его труды по подготовкѣ ихъ пропадали, «мелькала ужасная мысль—пропали цвѣтъ и украшеніе охоты»! Однако хохоль, стоявшій и наблюдавшій трагическое лицо князя, вывелъ его изъ печали, сказавъ, что «якій-то кундель пробігъ, желтый такой, туды»,—показывая по направленію сторожки желѣзной дороги, и дѣйствительно, легкій на поминѣ «желтый кундель», повѣся хвостъ и вываливъ языкъ, тихонько пробирался по бурьянамъ по направленію къ намъ. Ну, слава Богу,—нашлась чудная жемчужина. Немного потолковавъ, куда держать направленіе, тронулись. Здѣсь мнѣ пришлось равняться рядомъ съ А. Ф. М. и, какъ на грѣхъ, не съ сучками «Грузинкой» и «Птичкой», которыхъ я считалъ рѣзвѣйшими изъ моихъ собакъ. У него были двѣ его суки—„Вьюга“ и „Вѣдьма“, испытанныя, рѣзвыя и поимистыя. Мы ѣхали шаговъ на 30—40 другъ отъ друга, когда изъ-подъ А. Ф. выерзнулъ матерый русакъ. Въ первое мгновеніе я было не хотѣлъ сбрасывать своихъ и задержалъ, спустивъ уже по угону. Рѣшался вопросъ самолюбія, но въ сущности онъ не былъ рѣшенъ—угнали одинъ только разъ суки А. Ф. и, несмотря на отчаянное и заркое его уханье, русакъ благополучно удралъ «въ невѣдомую даль», разбросавъ и вытянувъ нашихъ собакъ. А ужъ какъ хотѣлось А. Ф., чтобы онъ былъ пойманъ. Да, „на всякую старуху бываетъ проруха“; не менѣе 1½ версты гладили мы этого молодца. Дождались остальныхъ своръ и двинулись подъ бугоръ, заѣзжая лѣвымъ флангомъ. Вотъ тутъ безповоротно показали себя Гришины «монахи»: они даже не поскакали по русаку, а рѣшивъ, что онъ обязательно побѣжитъ къ ометамъ соломы, въ верстѣ отъ мѣста травли, двинулись туда. Русакъ улепетывалъ прямо въ бурьяны, а они подъ прямымъ угломъ отжаривали вправо. Вѣроятно, удивленіе ихъ было полное, когда этого русака одолѣли таки безъ ихъ помощи и далеко отъ ометовъ. Ну, гдѣ съ такими борзыми тѣшиться?! Воспользовавшись тѣмъ, что рядомъ

былъ прудъ, мы попоили собакъ, лошадей, размыли имъ ноги и направили свой бѣгъ обратно къ дому. 11 русаковъ было въ торокахъ, было еще рано, но трудныя травли заставляли быть благоразумными и не затягивать собакъ. Всѣ были въ хорошемъ расположеніи. Кн. Д. И. былъ король дня—6 русаковъ было второчено его сворами. Всѣхъ русаковъ, которыхъ мы травили, было что-то 26—28.

IX.

Тебѣ пою божественная Діана
Мой гимнъ восторженной любви.

Сегодня предстояло брать поле съ гончими въ 10—12 верстахъ отъ «Аполлоновки». Но что это была за дорога, эти 10—12 верстъ! Какая это была грязь! Лютому врагу не посовѣтую по такой дороге проѣхать на своихъ лошадяхъ, даже половину этого разстоянія. По высшимъ соображеніямъ кн. Д. И. рѣшилъ четверку своихъ соловыхъ киргизятъ запретъ не въ фуру, а въ экипажъ нѣмецкаго производства, который очень въ ходу въ Изюмскомъ уѣздѣ, думая, во-первыхъ, что ужъ этотъ-то экипажъ они будутъ везти, а, во-вторыхъ, не стоятъ же имъ въ самомъ дѣлѣ и ѣсть овесъ дома, въ то время, когда другія лошади будутъ надрываться. Подъ свою фуру - звѣринецъ, ему далъ не то П. А. не то А. Ф. своихъ лошадей. Рѣшено было, что кн. Д. И. и я поѣдемъ на соловыхъ, а А. П. съ А. Ф. на линейкѣ, тройкой. Первые 3 версты путешествіе наше шло прекрасно; при помощи гиканья, свиста и т. п. подбадриваній соловья насъ старались везти рысью и не отставать отъ тройки; словомъ, экипажъ подъ гору катился, въ гору еле тащился и, казалось, что при помощи угодника Николая, нашихъ глотовъ и лошадиныхъ ногъ, мы будемъ двигаться верстъ по пяти, по шести въ часъ. Но это только казалось... На пятой верстѣ намъ или, быть можетъ,

мнѣ только, но уже стало казаться, что врядъ-ли мы уѣдемъ дальше половины дороги. Сдѣлали остановку. Походили кругомъ экипажа, лошадей, какъ водится, поругали дорогу, прикинули на глазъ вѣсъ экипажа, помянули добрымъ словомъ одну изъ пристяжекъ и, рѣшивъ, что болѣе 8—10 пудовъ на лошадь не приходится, стали громко удивляться и подыскивать причины того, что лошади не везутъ, стараясь найти всякія смягчающія вину обстоятельства. Впрочемъ, эта тема, хотя и скучная, никакъ не могла быть нами исчерпана въ продолженіе всего путешествія. Въ душѣ я ругалъ ихъ хозяина нещадно. Для меня было ясно, что лошади не привыкли возить тяжесть рысью и необычно скорое для нихъ передвиженіе совсѣмъ ихъ разстроило. Лошади хороши, говорить нечего, чудные пахари, цѣльные крѣпыши, подобраны по любительски, но везти въ такую грязь рысью онѣ просто не могли, ту тяжесть, которую онѣ везли бы гдѣ угодно, но шагомъ. Тронулись. Бразды правленія, сирѣчь — вожди, взялъ «самъ». Ну, думаю себѣ, теперь «у насъ пойдетъ!» — «Ну, ну, миленькія, ну, соколы, эй, эй, голуби» и т. п. ласкательныя мало трогали нашихъ голубей — мы продолжали тащиться шагомъ, а тройка удалялась съ ехидно-смѣющимся А. Ф., конечно, по адресу кн. Д. И. П. А. сосредоточенно, солидно, угрюмо и безстрастно смотрѣлъ на насъ, вѣроятно, думая: — «ничего-то вы не подѣлаете и рысью вамъ проѣхать не придется». — Оно такъ и вышло: до самаго поворота съ большой дороги къ фурамъ, стоявшимъ у сторожки, подъ горой, мы терпѣливо свистѣли, гикали, вертѣли надъ головой и бичемъ и кнутомъ и арапникомъ, но двигались все же шагомъ, тѣмъ же аллюромъ.

Конечно, все было забыто, едва мы увидѣли подъ горой весь нашъ охотничій таборъ. Утро все же было сносное, а теперь даже и совсѣмъ хорошо — тепло, тихо и надоѣдливый дождь пересталъ. Разобравъ борзыхъ, намъ предстояло проравняться вплоть до 1-го острова версты 3, все по тѣмъ же оран-

камъ и прочей прелести. Гончія мои съ дороги юлили, отлежавшись цѣлыхъ два дня у П. А. да болѣе мѣсяца дома, совершенно безъ работы, не считая ихъ путешествія по желѣзной дорогѣ. Борзые тоже чувствовали себя очень въ духѣ:—тянули адски, и черезъ $\frac{1}{2}$ версты мнѣ стало уже жарко отъ ожиданія, что вотъ-вотъ побудится русакъ и отъ напряженія держать жадничавшихъ борзыхъ. Наконецъ, зачернѣли вдали гребни тѣхъ острововъ, которые намъ предстояло сегодня тряхнуть, но перваго не было видно—онъ глубоко запалъ на дно громаднаго оврага и, какъ бы скрываясь отъ нашихъ взоровъ, думалъ избѣжать встряски, хотѣлъ сохранить свою дѣвственность. Ему не хотѣлось разстаться со своимъ вѣковымъ покоемъ, не хотѣлось ему просыпаться и взглянуть на дѣйствительность, на горькую, всю ту-же, что онъ видѣлъ не одинъ десятокъ лѣтъ. Тѣ-же нищета и лѣнивая безпечность, та-же безшабашность окружающихъ его людей, что и 50 лѣтъ тому назадъ, такъ-же не во-время засѣяна земля и тѣ-же приемы обработки. Подъ разборомъ этихъ грустныхъ мыслей я, наконецъ, увидѣлъ этого спящаго молчаливаго, нѣмого исполина. Жаль даже какъ-то было тревожить его глубокой величавый покой. Я намѣренно убавилъ шагъ моей лошади и остановился взглянуть, чтобы найти П. А., распорядителя нашего. Надо было осмотрѣть, куда кого поставить, откуда набрасывать гончихъ и хоть мелькомъ ознакомиться съ охотничьей топографіей острова и окружающей его мѣстности.—«Ну какъ, князь, откуда вы думаете набрасывать и куда хотите стать?»—задалъ мнѣ вопросъ подѣхавшій П. А.—«Да набрасывать-то нужно снизу, а стану я вотъ туда, отъ того острова»,—указалъ я ему. Указавъ мѣсто еще Николкѣ своему, тихо тронулъ къ лазу, попросивъ П. А. приказать Федору набрасывать снизу и дожидаться голоса моего къ напуску. По мѣрѣ того, какъ приближаюсь къ мѣсту—нервничаю. Но, наконецъ, я стою на лазу и трепетно жду. Тишина. И слышу

лишь бѣенье сердца моего. Все спитъ, все дремлетъ. Спитъ земля, спитъ степь, природа, спитъ островъ глубокимъ, мертвымъ сномъ. Кто можетъ разбудить его, кто можетъ оживить? Стихія, страсть буйная какъ сама стихія, одна она, незнающая преградъ, какъ вѣтеръ, вольная, не задумываясь, сразу разорветъ оковы небытія. Но островъ, какъ нѣкій былинный или сказочный богатырь, раскинувшись во весь свой ростъ могучій и скрывшись въ глубокомъ оврагѣ отъ взоровъ людскихъ, сладко и крѣпко спитъ. Никто отъ вѣка не могъ его встревожить, никто не смѣлъ его будить. Онъ, какъ легъ, такъ и спитъ—могучъ, таинственный, невѣдомый, суровый въ своей загадочной тиши. Темный, почти черный, силуэтъ его внушаетъ жуть невольно. Все тихо. Черная, безъ звука, громадная туча ползетъ. Она, какъ будто, хочетъ укрыть его отъ глазъ моихъ, она видитъ, что покой уснувшего хочетъ нарушить страсть и буйная воля человѣка, невѣдомо откуда прибывшаго сюда. Во снѣ-ли, или черная туча, желая предупредить великана о готовящемся разгромѣ, посылаетъ на него легкое дуновеніе свѣжаго вѣтерка, принесеннаго ею съ собой съ далекаго дикаго сѣвера, но великанъ какъ будто вздрогнулъ. Легкая дрожь пробѣжала по его темной спинѣ. Зашелестела обветшала и истлѣвшая одежда его. Не та она, что въ былое время—ярко-зеленая, блистающая подъ горячими лучами южнаго, лѣтняго солнца. Не та она, что и недавно была—желто-золотистая, багряная, осенняя. Поблекли остатки чуднаго наряда, висятъ кое-гдѣ лохмотья нищеты—дожди и бури не пощадили красоты. Туча надвинулась совсѣмъ; грозно и строго смотрятъ глаза ея на удивительное зрѣлище:—«Что они затѣяли, что они тутъ стоятъ и ждутъ, замеревъ какъ изваянія и, что это за движеніе какихъ-то черныхъ точекъ у конца оврага?»—Такъ шопотомъ, казалось мнѣ, зловѣще туча говорила. Но шопотъ-вѣтеръ слышали борзые, такъ было тихо, мертво все вокругъ. Онѣ приподняли свои головки и тоже недоумѣвающе строго

оглядываютъ меня и гребень острова, какъ бы спрашивая—когда же наконецъ онъ оживетъ? Я инстинктивно чувствую, что вотъ сейчасъ проснется, въ минуту близкую къ развязкѣ, богатырь. Задрожитъ его грудь, загудитъ и адскимъ хохотомъ, клокочущимъ и бурнымъ смѣхомъ, отвѣтитъ онъ на вызовъ нашъ и ожиданье. Онъ содрогнется, зареветъ, а эхо вольное, рыдая и тоскуя, какъ потокъ, прорвавшій долго его сдерживающую плотину громадной дикою волной, дополнитъ своимъ рѣвомъ стонъ его и, ударивъ могучими страстными звуками по вѣрно и звонко настроеннымъ струнамъ души моей, въ отвѣтъ получить вздохъ, вздохъ тихій облегченный, благодарный. Но—чу!—Вотъ ожилъ лѣсъ. Проснулся, задрожалъ, взревѣлъ и застоналъ, бушуетъ богатырь. Громадный, страшный валъ поднялся во весь ростъ могучій, и звуки гона яркіе, азарта безъ предѣла, наполнили оврагъ и лѣсъ. И ожилъ великанъ, трепещетъ грудь его, дрожитъ онъ, гону дико вторить, волна все катится грознѣй. Вотъ рога звукъ сигнальный отчетливо и звучно прорѣзалъ этотъ вихрь, по чуткимъ струнамъ ударивъ каждого изъ насъ. Изнемогаетъ и гудитъ азартный гона стонъ, реветъ, бѣснуется, клокочетъ море звуковъ, а я, какъ челнъ во власти этой страсти, несусь мечтой туда, гдѣ ураганъ бушуетъ и кипитъ. Я самъ трясусь, дрожатъ мои колѣни, какъ искорки горятъ глаза моихъ борзыхъ, а сердце вѣрное, покорно изнывая, ждетъ трепетно счастливый страсти мигъ. И этотъ мигъ насталъ. Какъ будто волшебствомъ затихла сразу стая, разсыпавшись по яркимъ зеленымъ, мелькаютъ здѣсь и тамъ усердные выжлята и вдругъ опять заплакали они. Какъ желтый, яркій лепестокъ, гонимый вѣтромъ въ полѣ, летитъ красавица ко мнѣ. А я стою, дрожу и затаивъ дыханье сладко замираю.—«Теперь ты не уйдешь, теперь въ моей ты власти, я жду тебя давно»,—беззвучно губы говорятъ. О, какъ нарядна, какъ легка, какъ рѣзво стелется она! Но вотъ пора,—однимъ движеніемъ послушныя борзые, мой калмыкъ

и я рванулись съ мѣста къ ней. Вотъ смѣтила огневка весь ужасъ положенья, по пахоти скользить, горить ея спина, трубу пушистую все выше поднимая, летить, разиня ротъ, въ спасительный оврагъ. Лечу и я за нею, а впереди меня сподвижники лихіе—«Грузинка», «Птичка» и «Кинжалъ». «Грузинка»—милая, какъ ласточка, играя, стрѣлой слетѣвшей съ тетивы, какъ птица, вырвавшись на волю, огневку скользкую, какъ ртуть, лихой угонкой осадила. Не спитъ словившаяся свора, «Кинжалъ» какъ беркутъ налетѣлъ, а «Птичка»—легкая, какъ вѣтеръ, смѣнить его ужъ норовить. Опять угонка удалая,—ушами кинута назадъ, юлитъ огневка матерая, сбересть свой хочется нарядъ. Борзые злятся, разъ за разомъ угонки сыплются подъ рядъ, лисица жметъ, вотъ мелькая «Грузинка» съ «Птичкою» катятъ. Совсѣмъ ужъ сжалась матерая, трубу поставила коломъ, близка развязка роковая, лисица вертится въюномъ. Но нѣтъ, безъ промаха «Грузинка» летитъ по пашнѣ колесомъ и, не спуская, мертво въ глотку влѣпилась тоненькимъ щипцомъ.

Вотъ слабая попытка описать чувства охотника во время травли и самую травлю лисицы, побѣждавшей на меня изъ чуднаго острова, лежащаго на днѣ и бокахъ глубокой балки, какъ бы врѣзанной чѣмъ-то исполинскимъ рѣзцомъ въ необъятную ширь и просторъ окружающихъ его степи и полей. Кто можетъ пенять, кто смѣетъ упрекнуть охотника, пережившаго эти минуты бѣшеннаго счастья, сладкія минуты? Развѣ онѣ принесены ему въ сердце вѣтромъ? Развѣ эти впечатлѣнія не вдохновеніе высшей воли? Развѣ можетъ эта чистая струя принести съ собою грѣхъ, которымъ насъ, охотниковъ, упрекаютъ сухіе, бездушные «мыслители»? Лицемеры безъ души, хамелеоны, не вникающіе въ корень божественной красоты окружающей ихъ жизни, идеалисты безъ искры страсти, безъ жизни, безъ увлеченій. Вамъ-ли, бездушнымъ, читать и проповѣдывать мораль всеобщаго прощенія, когда вы, несогласныхъ съ вами, готовы въ чашкѣ утопить?

Вамъ хочется «свести на нѣтъ» насъ, вамъ хочется моралью насъ притиснуть и все лишь до тѣхъ поръ, пока вамъ не покажутъ зубы, пока не спросятъ васъ какого вкуса тотъ рябчикъ, или каплунъ, румяный, жирный, вкусный, что любите такъ безкорыстно вы! Но кончу этотъ споръ, меня вы не собьете, а васъ я очень не виню. Хочу заняться дѣломъ много интереснѣй—хочу сказать и повторить, признаться вновь Діанѣ, что счастливъ я. Какъ юноша влюбленный, я словъ не нахожу, не въ силахъ выразить всего, чѣмъ сердце сладко ноетъ и глазъ поднять не смѣю на тебя. Но знай-же, милая, тебѣ я повторяю, что ты кумиръ мой, божество.

Подъ вліяніемъ этой мысли мнѣ вспомнился разговоръ одинъ. Рѣчь шла о томъ, что если бы охотникъ, влюбленный въ свое божество Діану, встрѣтилъ бы ее воплотившуюся гдѣ-нибудь на охотѣ, въ полѣ, такой, какой онъ себѣ ее представляетъ, такой, какой я ее описывалъ, и увидѣлъ бы съ ея стороны тоже взаимное чувство любви. Чѣмъ это знакомство кончилось бы? Продолжали-ли бы они вмѣстѣ охотиться, или заглушило-ли бы ихъ взаимное чувство, страсть ихъ—страсть къ охотѣ? Или наоборотъ? Вопросъ мнѣ кажется довольно ѣдкій! Не пожелаетъ-ли кто-нибудь отвѣтить, обобщивъ, конечно, этотъ вопросъ и передѣлавъ обликъ Діаны по своему вкусу. Ну-ка! У кого хватить прямолинейности? Мнѣ могутъ сказать на это, что все зависитъ отъ возраста, степени той и другой страсти, словомъ, начнутъ осложнять, анализировать вопросъ, вопросъ столь ясный. Не отрицаю, что кое-что надо принять въ соображеніе, но, что касается меня, я, не боясь насмѣшекъ, признаюсь: что изъ охоты при встрѣчѣ съ Діаной врядъ-ли что путное могло бы выйти для охоты. Нѣтъ, нечего хитрить, вѣдь сердце не обманешь. Однако я, пожалуй, утрирую свои признанія и злоупотребляю терпѣніемъ тѣхъ, кто поступилъ-бы наоборотъ, оставивъ Діану—Діанѣ.

Итакъ лисицу я второчилъ и во-время—4 гончихъ уже близко подобрались ко мнѣ, а ни Трофима, моего выжлятника, ни Федора, принявшаго должность доѣзжачаго, не было близко. Надо было торопиться сѣсть и сбивать, вернуть гончихъ обратно. Но тутъ же подскакавшій Федоръ увелъ гончихъ. Вы, конечно, ясно себѣ представляете мое чувство: затравить первую лисицу изъ-подъ своихъ гончихъ въ Изюмскомъ уѣздѣ, за тридевять земель отъ дома, въ степи! Но надо сказать, что эта лисица мнѣ особенно памятна теперь и будетъ долго сидѣть въ памяти, и вотъ почему. Ставъ на мѣсто и полюбовавшись двумя дальними травлями, мнѣ стало казаться, что по тѣлу у меня, по ногамъ, по головѣ, вездѣ что-то ползаетъ, чешется. Сперва-то я было не обратилъ вниманія на это „выступленіе“, но чѣмъ дальше, тѣмъ все больше этотъ зудъ отвлекалъ меня и, наконецъ, волей-неволей пришлось заняться объясненіемъ причины столь неожиданной «обструкціи». И стоило мнѣ только снизойти изъ царства грезъ на землю, какъ я увидѣлъ, что я весь облѣпленъ блохами! Да вѣдь какъ—на лицѣ въ бородѣ, въ усахъ, подъ шапкой, вездѣ рѣшительно! Онѣ облѣпили меня всего съ ногъ до головы, буквально. Какія-то тощія, желтыя блохи. Что дѣлать? Вѣдь не раздѣваться же въ самомъ дѣлѣ! Ну, а что же дѣлать, вѣдь это же невыносимо, я не успѣвалъ ихъ вытаскивать изъ головы и бороды, не успѣвалъ чесаться. Но что же предпринять? Нѣтъ, видно дѣлать нечего—терпи, казакъ. Рѣшилъ терпѣть и ловить, ловить и терпѣть. Охъ и натерпѣлся же я! И наловилъ же я ихъ! Выторочить ее, подлую лисицу, не имѣло смысла т. к. все что у нея было блохъ, весь ея запасъ уже былъ на мнѣ, пожалуй даже лучше оставить ее висѣть—авось соскучатся по ней и опять переберутся. Но до самаго вечера, пока не вернулись мы домой, ѣли онѣ меня нещадно. Пишу, а ощущеніе пережитаго такъ ярко встаетъ въ памяти, что то и дѣло почесываешься то тамъ, то сямъ. Не эстетично, да про-

стятъ мнѣ этотъ эпизодъ дамы-Діаны, но слова изъ пѣсни не выкинешь.

Пора было вызывать, гончія смолкли, а мѣста еще были впереди. Бѣдный мой другъ кн. Д. И. былъ совсѣмъ издерганъ—у него въ дрожкахъ сломался шкворень (еще бы, при 8 пуд., да по мокрому чернозему) и онъ почти не засталъ этого острова. Ему пришлось вернуться къ сторожкѣ и пріѣхать уже на линейкѣ. Досадно было и мнѣ за него—столько человѣкъ вкладываетъ души въ охоту и все неудачи! Даже домой собирался ѣхать, и я еле уговорилъ его не покидать насъ. Вызвалъ гончихъ, осмотрѣлъ ихъ—нѣкоторыя, какъ будто немного осовѣли, но гоны держатъ круто, стало быть можно продолжать. Указавъ напускъ, я, дождавшись когда всѣ размѣстились, подалъ голосъ «метать». Островъ не особенно большой, но опять въ крутомъ оврагѣ, растительность какая-то корявая, вся перепутанная слилась въ непролазную сѣть. Это снѣга, навѣваемые зимой въ оврагъ, своею тяжестью изуродовали съ молодыхъ лѣтъ поросль и она такъ и выросла. Ни одного прямого деревца. Ъзда страшно трудная—то приходится карабкаться по почти отвѣсной стѣнкѣ вверхъ, то спускаться по ней же внизъ и отбиваться отъ перепутанныхъ и корявыхъ жесткихъ дубовыхъ вѣтвей и лозняка. Съѣхавъ внизъ—опять препятствіе въ видѣ изрытаго весенней водой дна, узкой и глубокой водомойны аршина въ 1½. Въ такихъ мѣстахъ надо беречь съ полей стаю, предоставивъ ей, если она хорошо съѣзжена и подготовлена, разбираться самой, не давая только вольничать когда вырвутся въ поля; иначе и людей и лошадей изуродуешь, а толку выйдетъ, едва-ли больше. Съ напуска стая грохнула, какъ бы по зрячему, подхвативъ что-то и, повернувъ у головки, азартно захлебываясь повела къ Гришѣ. На несчастье онъ не былъ готовъ—протравивъ, или затравивъ, не помню, наѣханнаго русака чуть-ли не въ моментъ напуска, онъ подбиралъ борзыхъ. Заслышавъ дружный гонъ, конечно, началъ

горячиться, торопиться, борзья его, не привыкшія къ гону, носились подъ опушкой и въ концѣ концовъ русакъ, просившійся къ нему, отвернулъ куда-то въ сторону. Затѣмъ „говорили“, что гончія водили лисицу, что будто-бы видѣли ее въ степи, но гончія, хотя уже и порядкомъ зарьявшія, не разстались бы съ ней такъ просто. Простоявъ еще, я, чтобы не терять времени, вызвалъ стаю и, перейдя съ $\frac{1}{4}$ версты, велѣлъ набросить въ совершенно круглый, тоже въ крутыхъ стѣнкахъ, отъемчикъ, однимъ концомъ расплзшійся къ берегу какого-то ручейка. Однимъ махомъ вылетѣлъ цвѣлый, громадный русачина, лѣвѣ меня, подъ кручей, и хотѣлъ пробраться въ предыдущій островъ. Было такъ круто, что я боялся даже сбрасывать борзыхъ, но, боясь что маневръ его удастся, я атукнулъ и пустил собакъ. Какъ камни слетѣли внизъ мои милыя сученки, вотъ-вотъ, казалось, онѣ сшибутъ его на широкій лугъ, чего я и хотѣлъ, но «каналья» знаетъ «гдѣ раки зимуютъ». Одинъ толчекъ—и онъ ужъ летитъ прямо мнѣ въ ноги, въ кручу. Трудно справиться сученкамъ, но онѣ видно понатужились—одолѣли вмигъ кручу и ужъ на темени бугра насѣли. Мотають, а угнать не въ силахъ. А онъ, косою, барабанитъ обратно по межнику и вотъ-вотъ ввалится въ опушку, прощай тогда! Не знаю какая, но въ самой опушкѣ его вздернули. Дѣлать здѣсь было больше нечего—островочекъ весь на виду, рѣдкій.

Тутъ надо было рѣшить, какой островъ брать, тотъ-ли у котораго колодезь, или пропустивъ его, какъ слишкомъ большой, брать слѣдующій. Не останавливаясь равняться, рѣшили, напоивъ собакъ и размывъ имъ ноги, брать второй. Жаль, что я забылъ названія ихъ, довольно характерныя. И этотъ былъ не малъ, десятинъ на 40—50, а гончія видимо устали. Но ничего, завтра предстояла наѣздка и онѣ могли отлежаться. Красивое мѣсто обрамляло со всѣхъ сторонъ этотъ островъ, онъ весь былъ на виду. Такой же угрюмый и мрачный, какъ и

первый, онъ какъ-то невольно внушалъ уваженіе къ себѣ. Жаль мнѣ было выжлягъ, они лѣзли изъ кожи, чтобы выставить что-нибудь, но ослабѣвшее дыханіе и зажирѣвшая мускулатура не давали имъ возможности поработать такъ, какъ они могли. Сколько разъ они подхватывали, грянуть, сольются въ мощный аккордъ, ведутъ хорошо, но опытному уху слышно, что гонъ не продолжится долго, что вотъ-вотъ смолкнуть, оборвутъ; такъ и было. Сходятся, Федоръ съ Трошкой ходятъ, ходятъ по склону оврага, хлопаютъ, подпорскивая, когда-то опять натекутъ и опять та же исторія. Наконецъ, одного допекли таки—смотрю сѣренькій комочекъ вылетѣлъ, опушкой прокарталъ и, выбравъ направленіе, закатился прямо въ своры А. Ф. М. Но попался молодецкій русакъ—какъ ни старались степныя борзые, а одолѣть его не могли. Все дальше уходила травля, все уменьшались силуэты людей и лошадей и, наконецъ, исчезли за бугромъ. Надо было вызывать—и поздно становилось, надвигавшіяся сумерки на югъ не ждутъ, а жаль было трогаться. Гончія, сбитая съ русака, какъ нарочно заварили такъ, что минутами казалось мнѣ, что вотъ онъ попрежнему, какъ дома, забираютъ, по живому мясу дерутъ; птицей носили онъ кого-то по острову, то удаляясь, то перемолчавъ немного опять дружно напирали. Онъ какъ будто понимали, что мнѣ хотѣлось, чтобы онъ съ горячаго гона клубкомъ вышвырнулись бы въ степь, имѣя впереди невѣдомаго для насъ, но имъ извѣстнаго звѣря. Нѣтъ, не хватало духу, сколовшись въ осокѣ, онъ уже не могли осилить звѣря и я, воспользовавшись перемолчкой, подаль вызовъ. Своръ 8 пошли равняться, но, пройдя верстъ 7 до большой дороги и ничего не наѣхавъ, совсѣмъ затемно встрѣтили экипажи, посадили собакъ въ фуру и поѣхали въ гостепріимную «Аполлоновку».

Но возвращеніе наше было не изъ пріятныхъ. Ночь южная, тяжелая, мрачная окутала насъ какъ черной шубой. Царила непроглядная тьма. Вездѣ

черно, со всѣхъ сторонъ темно. Не видно даже бѣлыхъ пристяжныхъ, а онѣ вѣдь тутъ, здѣсь, въ аршинѣ разстоянія. Зрѣніе въ такой обстановкѣ—лишняя роскошь. Слухъ различаетъ только чавканье и чмоканье, мѣрное, тяжелое, лошадиныхъ копытъ по распутившемуся чернозему. Куда мы ѣдемъ, гдѣ мы, это, мнѣ думается, было предоставлено рѣшать лошадямъ. Неожиданно ночную темь, какъ бы разорвалъ отчаянный вопль. Недалеко, всего какихъ-нибудь 5—10 саженьей отъ насъ, въ сторонѣ надрывался хохолъ. Онъ оралъ и безнадежная, отчаянная нотка, просящая помощи, невольно насъ насторожила. Никто сперва не могъ понять откуда онъ кричитъ, что ему надо. Шлепанье лошадей мѣшало намъ. Но вотъ, остановивъ экипажъ, мы ясно уже разобрали:—«Рідный, братъ мой рідный, рідный»,—вопилъ отчаяннымъ, надрывающимъ душу голосомъ этотъ невидимый путникъ.—«Помогите, рідный мой, братъ мой рідный!»—неслось по степи, заполняя весь окружающій насъ густой мракъ.—«Да иди сюда!»—отозвался ему П. А.—«что съ тобой, иди сюда!»—Опять:—«рідный мой, помогите!»—Что за оказія—кто-то вслухъ говорить. Наконецъ, при помощи спичекъ А. Ф. добрался до него, онъ лежалъ въ нѣсколькихъ саженьяхъ, прямо въ грязи на дорогѣ, пьяный до того, что упавъ въ грязь не могъ уже подняться и, сознавая все-же, что провести ночь въ октябрѣ на холодной грязи, подъ дождемъ не безопасно, въ особенности среди большой дороги—вопилъ о помощи. Ноги его не держали, онъ потерялъ способность оріентироваться и, не чая куда-либо добратъся, просилъ его довести обратно до деревни, гдѣ онъ пировалъ на свадьбѣ. Исполнивъ его желаніе, мы, успокоенные, живо докатили до дому, гдѣ горячій борщъ изъ сушеныхъ карасей симпатично насъ встрѣтилъ въ столовой. Завтра предстояло хорошее поле, въ тѣхъ же мѣстахъ, наѣздкой.

X.

Дѣйствительно, это было чудное поле, я даже считаю наиудачнѣйшимъ изъ всѣхъ по числу травль, и красивыхъ травль,—на виду, по ровнымъ стернямъ. Да и день вполне соотвѣтствовалъ и настроенію, и результатамъ. Хотя долженъ оговориться—одинъ изъ насъ, поддавшись общему освободительному настроенію, въ пылу увлеченія, былъ уличенъ въ «экспроприаціи» чужого зайца, я этотъ фактъ не могу обойти молчаніемъ и въ своемъ мѣстѣ опишу подробно. Инцидентъ этотъ насъ очень распотѣшилъ, тѣмъ болѣе, что ужъ очень это неожиданно вышло. Однако къ дѣлу. Начали мы почти на томъ же мѣстѣ, что и вчера. Сперва выравнивались, вытянулись, имѣя каждый свои своры непосредственно по обѣимъ сторонамъ барской своры. Всѣхъ своръ было 13. Кн. Д. И.—3, А. Ф.—3, у Гриши 3 и моихъ 4. Это первый разъ, что я выѣхалъ на 4 своры, но каждая въ двѣ собаки. Не скрою, что я приказалъ травить каждого побѣждавшаго двумя сворами т. е. 4 собаками. Не забудьте, что у меня всего кобель и одна сука были по 2 осени, остальное—все молодежь, почти не скакавшая, въ особенности сучки—«Птичка», «Грузинка», «Вѣдьма» и кобель «Гордецъ». «Поспѣшный» былъ такъ жиренъ, что на него надежды не было вовсе.

Бодро и внимательно спускались мы по положому скату, тянувшемуся на версту къ ручейку. Прошли его и, проѣхавъ долъ съ ручейкомъ, съ трудомъ стали взбираться на громадный, крутой бугоръ, за которымъ начиналась ровная необозримая степь—стерни. Очень красивая была картинка, когда взобравшись первымъ на вершину я, остановившись, обернулся и глянулъ назадъ. Всѣ своры лѣзли еле-еле въ бугоръ, далеко растянувшись по его крутому склону. Наконецъ, всѣ взѣхали. Опять выравнивались и, затаивъ надежду и жадность травнуть, нерѣшительно толкнули коней. Тутъ же изъ

подъ копытъ у моего Николки выерзнулъ русакъ. Трошка, ѣхавшій съ нимъ рядомъ, тоже подбросилъ; А. Ф. не выдержалъ и тоже спустилъ собакъ. Русакъ попалъ бывалый — сразу во всѣ ноги двинулъ онъ къ острову, отдѣлился отъ борзыхъ и не давъ погладиться скатился въ островъ и разбросалъ по немъ собакъ. Первый блинъ комомъ! Но по моимъ примѣтамъ это самое удачное начало, для того чтобы былъ хорошій конецъ. Подобрали зарѣявшихъ борзыхъ, чуть-чуть постояли и тронулись дальше. Пройдя съ полъ-версты, изъ-подъ Трошки выкатилъ второй, наискось отъ меня, въ мою сторону. Нѣсколько мгновений, но достаточныхъ для того, чтобы русакъ успѣлъ отдѣлиться саженой на 25, я не сбрасывалъ своихъ сучекъ — «Грузинку» и «Птичку», размышляя, помочь мнѣ, или нѣтъ? Но вспомнивъ, что Трошкина свора только что скакала, а у Федора, которому я велѣлъ сбросить тоже, былъ одинъ первоосенникъ — рѣшилъ сбросить. Значитъ участвовало 6 собакъ. Русакъ, не даваясь на угонку, летѣлъ къ полевой, не торной дорогѣ; она вся лоснилась отъ ночного дождя, какъ ледъ. Вотъ куда шельмецъ норовилъ посадить собакъ и, пользуясь разѣздомъ, думалъ утереть имъ носъ. «Джигитъ» и «Гордецъ» своры Федора были спущены позже чѣмъ у Трошки и доставали ихъ. Но вотъ «Джигитъ» объѣзжаетъ «Усладу», близится къ русаку и присовывается. Русакъ чуть вильнулъ въ сторону и, надавая по скользкой дорогѣ, отросъ. Тутъ я разомъ увидѣлъ очень пріятныя для меня двѣ комбинаціи. Во-первыхъ, — «Гордецъ», увидя, что русакъ не дался и отросъ — наддалъ и, лихо выкинувшись изъ-за «Джигита», насѣлъ на бойкаго сорванца, помоталъ его на повихахъ и не будучи въ силахъ одолѣть рѣзваго степнячка, сталъ оттягивать. Во-вторыхъ, въ это же время мои сученки — половая «Птичка» и сѣро-чубарая «Грузинка», какъ стрѣлы, почти голова въ голову, достали заднюю собаку, объѣхали ее, пересчитали всѣхъ остальныхъ и къ тому моменту, какъ «Гордецъ» и «Джи-

гитъ» все еще силились сшибить съ дороги русака, чисто и безапелляціонно оборвали ихъ и въ одинъ мигъ русачина былъ посаженъ на стерни крутой угонкой. Милая моя любимица «Грузиночка», которую я во второй лишь разъ видѣлъ на русакѣ, очень ловко заѣхала его съ боку и, швырнувъ къ сестрѣ своей, рѣшила участь молодчика. Русака поймала «Птичка». Красивая, чистая, бойкая была ловля, ровное мѣсто, собаки въ духѣ, удовольствіе полное. Хорошо на душѣ, хорошо быть побѣдителемъ.—«Ого, го, го!»—слышу я басистый, одобрителный возгласъ П. А.—«Какъ сученки-то его обработали»,—добавляетъ милѣйшій хозяинъ и путеводитель нашъ.—«Да, недурно»,—поддакиваю и я, а у самого отъ радости душа чуть не выскакиваетъ. Да, дѣйствительно чисто сработали. Повозившись, какъ полагается, больше чѣмъ слѣдуетъ—вѣдь надо же своихъ миленькихъ сучекъ поласкать, нужно и поговорить съ ними по душамъ, нужно и потрепать ихъ любовно. Безъ этого не полно удовольствіе—вѣдь онѣ его доставили, такъ какъ же не миловать ихъ, какъ ихъ не приголубить! Положимъ, что отъ этого участникамъ охоты не легче ждать, но каждый вѣдь любитъ своихъ, а посему и не можетъ быть въ претензіи. Русачка отпазаничили, роздали пальчики, напоили двошившихъ собакъ и, вскочивъ въ сѣдла, живо подравнялись къ остальнымъ.

Въ полъ-верстѣ виднѣлась полоска бурьяновъ. Чѣмъ подъѣзжали ближе къ нимъ—тѣмъ становилось несноснѣе: кому улыбнется Діана? Кому придется потѣшиться, изъ-подъ кого выпорхнетъ, какъ юркій перепелъ, русачокъ-степнячокъ? Полоска оказалась всего-то саженой пять шириной, но зато длинной она захватила съ три четверти версты; мы ее должны были пройти поперекъ и отъ этого шансы каждаго изъ насъ обострялись; кому слѣпое счастье пошлетъ удачу? Вѣдь всего какихъ-нибудь 15 шаговъ шириной.—«Ну гдѣ же тутъ наѣхать мнѣ на русака»,—думалъ я себѣ, вѣзжая въ этотъ бурьянокъ.—«Ухъ, ухъ, у-ухъ его!»—съ нервной ноткой

въ голосѣ заухалъ мой Федоръ, желая указать въ высокому кураѣ и ветоши вскочившаго русака, котораго его кобели никакъ не могли помѣтить. Онъ летѣлъ прямо ко мнѣ, сучки мои ввозрились и я сбросилъ свору. Но «Кинжалъ» Трошкиной своры, который вопреки уговору тоже сбросилъ, не далъ имъ и понюхать русака—онъ ураганомъ налетѣлъ на него, впереди всѣхъ зачистилъ, русакъ заерзалъ, вотъ—конецъ, но молодой кобель неизловчился и, желая зацѣпить его, запахалъ грудью, хотѣлъ справиться—споткнулся и закувыркался черезъ голову.—«Эхъ, досада»,—вырвалось у меня вслухъ. Но вотъ тутъ себя показали мои любимцы. Русакъ, ужаленный «Кинжаломъ», какъ птица сразу удалѣлъ и, отдѣлившись саженой на 25 отъ борзыхъ, завольничалъ и заложивъ оба уха удиралъ во всю. Я поддалъ своему калмыку.—Ухъ его, «Грузиночка!»—Да и рѣзвы же маленькія. Онѣ моментально обсчитали собакъ Федора и Трошки и увѣреннымъ махомъ жгли пространство. Но русачокъ тоже былъ «изъ молодыхъ, да ранній»—онъ буквально летѣлъ и сучкамъ видимо было трудно набрать на жгучую угонку. Сомнѣніе стало крадываться мнѣ въ душу. Калмыкъ мой сталъ слабѣть. А, ну вотъ «Птичка» зажадничала—рр-азъ и лобанъ кинуть назадъ ушами; выерзнувъ изъ-подъ «Грузинки», чуть его не захватившей, онъ опять покотилъ.—Ухъ его!—опять «Птичка» набрала и опять круто посадила его вправо, но «Грузинка» обмахнувшись чуть-чуть не закувыркалась, справилась и состязаніе на самолюбіе приняло сомнительный оборотъ. Другія борзые далеко, саженьхъ въ 5, махомъ поспѣвали. Я оглянулся—уже никого не стало видно. Зато впереди, вдругъ, какъ изъ-подъ земли, показались верхушки деревьевъ, вотъ ихъ больше и, о, ужасъ,—цѣлый громадный островъ. Да, такъ вотъ куда русакъ хотѣлъ попасть! Эхе, дѣло дрянъ. Ну-ка, калмычокъ, покажи свою силу, и разъ за разомъ нѣсколько горячихъ плетей подвесили его. Я сталъ подбираться.—Ухъ, ухъ, ухъ!—подбодрилъ я моихъ сучекъ, а онѣ, какъ

будто и поняли по тону голоса, что поймать надо. Выдѣлилась «Грузинка» и самостоятельно закативъ 3 угонки, да такихъ, что жарко стало, передала русака подобравшимся и передохнувшимъ заднимъ. Но русакъ не сдавался, онъ летѣлъ, какъ по ниткѣ въ островъ. У меня даже и остатокъ надежды сталъ пропадать. Мѣстность ближе къ острову замѣтно стала понижаться, такъ что одно время я даже упустилъ изъ виду борзыхъ, т. к. я былъ еще по сю сторону этого уклона. Пришлось опять влить горячихъ калмыку. Островъ близится, а по спинамъ и мелькающимъ правиламъ я догадываюсь, что голубчика должно быть одолеваетъ. Вотъ миновала я послѣднюю сажень, скрывавшую отъ меня травлю, и радости моей и надеждѣ суждено было осуществиться—русака мотала вся компанія; борзые, зная по домашнимъ травлямъ, что островъ для нихъ погибель, а для звѣря—спасенье, работали изо всѣхъ силъ. Угонки буквально сыпались, то и дѣло сгруппировывались уставшіе ловцы и вотъ, наконецъ, въ какихъ нибудь 30—40 саженьяхъ отъ острова «Грузинка» его тащить! Еле доковылялъ калмыкъ мой и я, весь въ испаринѣ, бросился отпаивать собакъ. Версты двѣ, это навѣрное, продолжалась эта травля, если не 2¹/₂, и мы имѣли законное право отдохнуть.—«Ну да и «Грузинка», ахъ ты, Грузо, Грузо!»—все повторялъ Федоръ, справляясь съ громаднымъ русакомъ, съ усами, какъ у заправскаго гусара.—Да,—думалъ я,—вотъ что значитъ правильная, упорная все лѣто, подготовка борзыхъ. Вотъ это показали и доказали степнымъ-то охотничкамъ, что и на сѣверѣ бываютъ собачки «не лыковыя».—Однако я усталъ не менѣе борзыхъ и лошадей, хоть самому впору пить изъ собачьей фляги. Наконецъ справились со всѣми манипуляціями и тихонько побрели навстрѣчу охотѣ. Смотрю—катитъ П. А., еще издали вижу его вопросительную мину съ широко раскрытыми глазами и съ шапкой на затылкѣ.—«Неужели поймали?»—«Поймали».—«Да, нѣтъ, не можетъ быть».—«Да вѣрно-же, посмотрите какого

обработали».—«Ахъ, чортъ возьми, вотъ такъ собаки, ну какая же поймала?»—уже убѣдившись, закидалъ П. А. вопросами.—«Вотъ сѣренькая—„Грузинка“, моя любушка его скрутила»,—констатирую я съ гордостью.

Когда мы вдоволь наговорились, подтянулись остальные своры и мы съѣхались. Пройдя съ версту и убѣдившись, что свора моя передохнула, я захотѣлъ осуществить свое желаніе прикинуть своихъ сучекъ съ суками Гриши, которыхъ всѣ считали рѣзвыми; мнѣ тѣмъ болѣе этого хотѣлось, что вѣдь онѣ выросли и подготовлены на волѣ, въ степи, привыкли къ мѣстнымъ условіямъ. Любопытно было помѣрить, такъ какъ послѣ этихъ двухъ русаковъ я все-таки убѣдился, что мои сучки постоятъ за себя. Условились травить вмѣстѣ подозреннаго и вскочившаго, одинаково. Недолго пришлось равняться—въ громадной мѣрѣ, саженьяхъ въ 100, побудился русакъ. Я моментально рѣшилъ, что это звѣрь не мѣрный, такъ-же быстро, но наоборотъ, поступилъ Гриша и, выпустивъ своего гнѣдого во всѣ поводыя, не побоялся сбросить своихъ бѣлыхъ сукъ. Мои уговоры не травить, что далеко, молъ, вѣрно только поддали ему жару. Но тщетно онъ показывалъ удалѣвшаго русака, разстояніе все увеличивалось и когда борзые взглянули его, то не было уже никакого сомнѣнія, что ничего не выйдетъ изъ этой травли. Но было поздно—свора сброшена и долго мелькавшая фигура его, уменьшаясь, наконецъ скрылась за бугромъ. Конечно я сожалѣлъ, что не удалось наѣхать мѣрнаго, но съ другой стороны я былъ доволенъ, что выдержалъ—какой толкъ пугать русаковъ, проводя ихъ въ горизонтъ! Завернувъ всѣмъ правымъ флангомъ подъ прямымъ угломъ, пошли вдоль острова, куда хотѣлъ удрать мой послѣдній русакъ. Лѣвый флангъ—своры кн. Д. И. и своры А. Ф. шли вдоль опушки. Изъ подъ нихъ вскочилъ русакъ и, намѣтивъ опушку, бойко шарахнулъ къ ней, но не совладалъ съ выполненіемъ задуманнаго: какая-то изъ спущенныхъ

борзыхъ, жестоко швырнувъ его назадъ ушами, поставила прямо въ зубы сукъ А. Ф. Всѣ остановились ждать пока онъ управится, да кстати и Гришу надо было подождать. Вотъ тутъ-то и произошла «экспроприация», о которой я говорилъ въ началѣ. Въ то время, какъ А. Ф. крутилъ потихоньку, помаленьку свою самокрутку-цыгарку, заклеивалъ ее и раскуривалъ, вставивъ ее въ камышевый длинный мундштукъ обязательно не прямо, а подъ угломъ, криво, его борзятникъ Игнатъ торочилъ русака. Я стоялъ на противоположномъ флангѣ довольно далеко отъ него и не знаю, чѣмъ онъ увлекся кромѣ своей цыгарки—собаки его бродили безъ своръ и созерцали кто—пойманнаго русака, кто—его вкось вставленную папиросу. Оглянулся я назадъ—посмотрѣть не видно-ли Гриши и вдругъ откуда ни возмись—по оранкѣ, съ тылу, къ лѣвому флангу ковыляетъ изъ послѣднихъ силъ громадный русачина, норовя добратся въ островъ. Онъ еле двигается по неровной оранкѣ, а сзади, такимъ-же образомъ, такимъ-же ходомъ, но надвигаясь ползуть какихъ-то 2 кунделя, желтый и черный. Затѣмъ кто-то крикнулъ, собаки бывшія безъ своръ помѣтили и заложились по ковыляющей группѣ.—«Ну,—думаю себѣ,—будетъ каша». Однако желтенькій и черненькій не будь дураки—понатужились, видя спѣющихъ собакъ и помотавъ русака, прыгавшаго на одномъ мѣстѣ какъ лягушка, поймали его. Поспѣвшія къ этому наши борзые поступили однако гораздо практичнѣе, чѣмъ я полагалъ—вмѣсто того, чтобы влѣпиться въ чужихъ собакъ онѣ влѣпились въ русака и благополучно передали его подскакавшему борзятнику, который въ свою очередь поступилъ еще неожиданнѣе—онъ, не говоря худого слова, попросту взялъ его и поѣхалъ съ нимъ назадъ! Посмотрѣли бѣдные песики, подивились людской несправедливости, подумали, вѣроятно, о переменчивости нравовъ и, грустно посмотрѣвъ вслѣдъ удалявшемуся борзятнику, повѣся свои лопухи и хвосты, заковыляли тѣмъ-же неторопливымъ махомъ куда-то

въ пространство. По случаю этой неожиданно вернувшейся удачи А. Ф. кажется еще принялся крутить цыгарку, разсматривать благопріобрѣтенное. Образовался вокругъ него кружокъ, но очень во время появившійся Гриша прервалъ это занятіе, грозившее затянуться, и вывелъ всю компанію изъ созерцательнаго настроенія, рассказавъ, что онъ во время травли русака неожиданно наткнулся вплотную на лисицу, лежавшую у назьмы; собаки его не успѣли даже присунуться, какъ она нырнула въ назьму. Тронулись дальше. Долго мы равнялись безъ всякаго успѣха, никто не травилъ. Вотъ уже и овражекъ, у котораго наши фуры, обозначился верхушками дубняка, растущаго по его дну. Кажется, что онъ близко, но до него не менѣе версты—пересѣченная мѣстность обманчива. Крутые холмы смѣняются пологими, а по дну широкихъ доловъ течетъ капля по каплѣ ручеекъ, онъ чуть живъ. Картина мѣняется съ каждой сотней саженой, которой мы проравниваемся. Наконецъ, кое-какъ вскарабкиваемся на темя громаднаго бугра,—чудный кругозоръ и ровная поверхность. Вотъ гдѣ травнуть-бы! Въ этотъ-же мигъ ѣхавшія справа княжескія своры заатукали и чудный цвѣлый русакъ покатишь вдоль нашихъ своръ. Изъ всѣхъ спущенныхъ шести собакъ лихими ногами зажадничала св.-пол. «Утѣшка», она жгла пространство, ежесекундно надвигаясь, обсчитала одна за одной остальныхъ собакъ и въ какой-нибудь сотнѣ шаговъ отъ меня, громаднымъ броскомъ, сняла этого матераго сорванца, какъ грибокъ, покотившись съ нимъ эффектно черезъ голову! Вотъ это по псовому! Такъ какъ это произошло рядомъ и впереди, то мы добросовѣстно подождали пока его второчили и, вернувшись назадъ тѣмъ-же мѣстомъ, по которому шла травля, стали на свои мѣста въ линіи. Тронулись. Не успѣлъ Федоръ проѣхать и 10 шаговъ, какъ онъ подозрилъ еще одного. Буквально на томъ-же мѣстѣ, гдѣ шла травля предыдущаго русака. Какъ онъ могъ улежать, собаки и лошади

навѣрное скакали черезъ него, вѣдь вотъ, какъ та-
ятся.

Подѣхали всѣ мой 3 своры, да собственная чет-
вертая. Лежить въ оранкѣ косоглазый и ужимается,
и дуется, только помаргиваетъ. Должны были тра-
вить я и Федоръ, но Трошка и Николка не выдер-
жали искушенія и тоже сбросили своихъ. Русакъ
двинулъ внизъ, въ долъ, по направленію къ острову.
Захватывающую, умопомрачительную картину для
глаза и души псоваго охотника представляетъ ли-
хая ловля вымаханныхъ, рѣзвыхъ псовыхъ по хо-
рошему, чистому мѣсту! Съ чѣмъ сравнить молніе-
носный порывъ, съ которымъ онѣ догоняютъ рѣз-
вача степняка? Говорятъ, что соколъ, кидающійся
съ вышины за птицей, или догоняющій угонную, мо-
жетъ поравняться по впечатлѣнію въ рѣзвости съ
доскачкой рѣзвыхъ псовыхъ, у которыхъ изъ-подъ
щипца выерзнулъ русакъ. Не дали ему ходу и де-
сятины. Первымъ угналъ его мой «Кинжалъ», же-
стоко бросивъ моей «Птичкѣ», а ужъ эта, швырнувъ
его въ кучу собакъ, рѣшила его участь. Когда мы
его торочили, смотримъ—катить еще русакъ логомъ,
удалѣвъ отъ сопровождающихъ его борзыхъ и до-
бравшись до острова замелькалъ по рѣдкому дуб-
няку—ушелъ. Вѣхавъ опять на бугоръ, мы уже
тамъ никого не застали—всѣ травятъ, а нѣкоторыя,
вѣроятно кончившія, направляются къ близкимъ фу-
рамъ. Здѣсь всегда такъ—то вы ѣдете и самымъ
тщательнымъ образомъ оглядываете каждый кураекъ
и не наѣдете ничего, то вдругъ чуть не на каждомъ
шагу—русакъ, два, три и больше. Не успѣваешь
даже слѣдить за травлями другихъ, ибо занять своей.
Дойдя до фуръ, оказалось, что второчили что-то
штуку 15 русаковъ, или 17, не помню хорошо.
Этимъ мы закончили поле и засвѣтло добрались до
«Аполлоновки».

Завтра мы должны были дѣлать переходъ, на
время разстаться съ тихой, пріютливой «Аполлонов-
кой». Предстояло итти въ степи Бантыша, гдѣ въ
прошломъ году П. А. «со товарищи» буквально

отравился, гдѣ неутомонный А. Ф., и тотъ, какъ гласить охотничья лѣтопись, отказался травить пятнадцатаго на свою свору, заявивъ, что какъ будто пора до дому,—попросту набилъ себѣ оскомину. Описывать нашъ переѣздъ по морю грязи въ мѣстечкѣ Барвенково, черезъ которое мы должны были проѣхать, я не въ силахъ; затѣмъ—степью по невылазному чернозему, я не буду—скучно и грязно. За 2 версты до ночлега и временнаго нашего пребыванія на штабъ-квартирѣ, собакъ выпустили изъ фуръ и я отправился съ Гришей верхомъ промять его собачекъ. Въ балочкѣ или котловинкѣ мы наѣхали русака и лихо его затравили. Гришинъ бурматный кобель жестоко досталъ его въ полубугрѣ, сбиль внизъ и, не давая никому присунуться, покатился съ нимъ въ терновничекъ. Не буду описывать и ѣдкаго разочарованія отъ Бантышевой степи — мы почти ничего не нашли на ней кромѣ чудныхъ бурьяновъ, но, увы, пустыхъ; чудныхъ обширныхъ посадокъ, но, увы—пустыхъ почти, и чудной цѣлинной степи, представляющей только для глаза удивительную картину по разнообразію и гармоніи тоновъ, растущей на ней растительности, но, увы—совсѣмъ пустой.

Дня 4 мы равнялись съ утра до вечера по необъятному простору, гдѣ, на видъ, можно бы прозакладывать голову, должны быть лисицы и русаки, но результаты были плохи. Затравлено было 2 лисицы—кн. Д. И. и мною изъ-подъ гончихъ и что-то около 15 русаковъ. Такъ мы, неудовлетворенные, но вновь начиненные увѣреніями, что «ужъ теперь, въ Карповскихъ мѣстахъ», куда мы направлялись, «предстоятъ фантастичнѣйшія поля, изумительные острова, съ количествомъ звѣря, превосходящимъ всякіе самые смѣлые полеты охотничьей фантазіи и арифметическій расчетъ». Я, откровенно говоря, былъ очень радъ, что мы покидаемъ Бантышевскія мѣста—ужъ очень они разочаровали меня. Не могу, однако, не поблагодарить радушнаго хозяина-арендатора, въ домѣ котораго мы нашли теп-

лый и уютный пріютъ, за его заботы о нашемъ комфортѣ. Сколько мы ему причинили хлопотъ, какой сумбуръ и хаосъ внесли мы въ его тихую, мирную жизнь своимъ пріѣздомъ, массой собакъ, лошадей и вдобавокъ испортили своими одѣялами, поддевками, куртками, шапками молочно-бѣлыя, выбѣленные стѣны; мы ихъ совершенно лишили ихъ дѣвственной красоты, унеся ее съ собой на нашихъ принадлежностяхъ туалета, и тѣмъ, конечно, причинили много молчаливыхъ и непріятныхъ минутъ милѣйшему хозяину, наградившему меня многими съменами причудливыхъ тыквъ, арбузовъ и удивительно вкусной крупой. Переѣздъ нашъ былъ недологъ, но памятенъ: я еле доѣхалъ до Карповскаго дома. Холодный сильный вѣтеръ и дождь до того меня пробрали, что если бы не дѣйствительно удивительныя на видъ мѣста, подогрѣвавшія воображеніе, то врядъ ли я добрался бы цѣлымъ. Но ужъ не съ сожалѣніемъ, а прямо съ грустью долженъ сознаться, что и этотъ переѣздъ въ обѣтованную страну не принесъ намъ радости. Во-первыхъ, къ вечеру грянулъ ливень, холодный, съ бурей, шелъ всю ночь, а на утро градусникъ уже показывалъ всего $+ 1^{\circ}$, къ вечеру онъ спустился ниже 0 на 1 градусъ и запорхалъ снѣжокъ. Утромъ слѣдующаго дня совершенно заковало, вѣтеръ адски смѣялся надъ нашей беспомощностью. Земля сдѣлалась какъ чугунъ. Кромѣ всѣхъ этихъ прелестей природы я неожиданно получилъ такой сюрпризъ: мой Федоръ оказался укушеннымъ бѣшенною сукой Гриши, которую онъ сталъ лѣчить, и уже тому назадъ 4 дня произошелъ этотъ случай! Въ 5-хъ, наконецъ, меня хватилъ такой прострѣлъ поясницы, что я еле могъ ворочаться. Принявъ все это во вниманіе, рѣшили двигать домой. Съ тоской, съ тревожнымъ настроеніемъ за Федора, пришлось сказать «прости» Карповскимъ мѣстамъ и, не понюхавши ихъ, отложить до болѣе радужнаго времени. Велѣли сѣдлать, запрягать, укладываться и двигаться. На мнѣ былъ волчій полушубокъ, валенки, теплая шапка и теп-

лые пьедесталы—и страшно вспомнить, какъ я мерзъ. Если бы не мягкое и теплое сосѣдство кн. Д. И., не знаю привезли-ли бы меня живого. Никогда въ жизни, зимой я не испытывалъ ничего подобнаго. «Аполлоновка» насъ встрѣтила такъ-же радушно: горячій борщъ, водочка, тары-бары и проч. и проч. сдѣлали свое дѣло, но все-же не могли смягчить досаднаго впечатлѣнія отъ послѣднихъ грустныхъ обстоятельствъ. Надо было спѣшить отправлять Федора въ Москву, на прививку. А мѣста, брошенные нами, дѣйствительно были хороши, набиты звѣремъ — хохлы, поймите господа, это неподвижное физически и душевно существо, и тѣ удивлялись количеству русаковъ, объясняя это тѣмъ, что звѣрь чуетъ холодную зиму и сдается къ овражистымъ и островнымъ мѣстамъ. Въ «Аполлоновкѣ» снѣгу было гораздо больше, чѣмъ въ Карповкѣ, почти пороша. Не хотѣлось уѣзжать мнѣ, не хотѣлось разставаться съ добрѣйшимъ хлѣбосоломъ-охотникомъ, любезнѣйшимъ хозяиномъ П. А.; съ А. Ф., глубокій національный юморъ котораго я не сумѣлъ передать; съ Гришей, вѣчно мечтающимъ травить и днемъ и ночью, въ любую мѣру, и съ моимъ многотерпѣливымъ и добрымъ другомъ кн. Д. И. Но надо было ѣхать. Вся компанія проводила меня на станцію. Въ ожиданіи поѣзда мы еще успѣли поспорить о количествѣ затравленнаго. Оказалось, что А. Ф. затравилъ—62%, кн. Д. И.—60%, я—61%, Гриша—50%. Кажется такъ, если я запомнилъ, прошу вѣрить, что забылъ. Если ошибаюсь, то самое большое на 1% дошелъ поѣздъ. Расцѣловались, обнялись и разстались. До свиданья, дорогіе сотоварищи. Спасибо за ласку, за пріютъ, за участіе, за все, чѣмъ крѣпка совмѣстная жизнь. За горячіе откровенные охотничьи споры, за прямое задушевное крылатое слово, за довѣріе, за все то, чѣмъ живетъ душа русскаго псоваго охотника. До свиданья, до 1907 года.